НАРОДНАЯ РУМЫНИЯ

No. 3

МАРТ 1957

На первой странице обложки: Антоанета Алексович Маня — лучшая текстильщица Бухарестской фабрики им. 7 ноября. Избрана депутатом Великого Национального Собрания.

Фото И. ДЖУКИ

Фотоэтюд

Е. ЗЛОТЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
№ 3 МАРТ 1957 г.

НАРОДНАЯ РУМЫНИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

● В списки избирателей было включено 11.652.289 человек. Голосовало 11.553.690 человек, т.е. 99,15 процента общего числа избирателей.

● За кандидатов Народно-демократического фронта голосовал 11.424.521 гражданин — 98,88 процента общего числа избирателей.

● Против голосовали 115.880 избирателей — менее одного процента общего числа участников выборов.

● Из 437 избранных депутатов 169 — рабочие и крестьяне, непосредственно занятые на производстве. Остальные депутаты — рабочие и крестьяне, занимающие ответственные посты в общественной жизни и государственном аппарате, деятели культуры, служители религиозных культов и военнослужащие.

● 67 депутатов — представители национальных меньшинств. 71 депутат — женщины.

ГОЛОС НАРОДА

Ни в одном календаре, отпечатанном в нашей стране, день 3 февраля не отмечен как праздник. Это обычное воскресенье, в которое солнце всходит в 7 ч. 32, а заходит довольно рано, в 17 ч. 27 м., в которое люди, как всегда, отдыхают и развлекаются как кому угодно.

И все же в нынешнем 1957 году день этот был особенным. Повсюду, во всех уголках страны, молодежь и старики, женщины и даже дети, которые не захотели оставаться одни дома, повставали, еще когда на горизонте не занималась заря. Все поодевались в лучшую, праздничную одежду и торопливо направились кто в школу, кто в дом культуры или рабочий клуб, превращенные в избирательные участки. В это воскресенье проходили выборы депутатов в Великое Национальное Собрание, и всем не терпелось отдать свой голос за кандидатов Народно-демократического фронта.

Мы бы не начали с этой картины людей, воодушевленных стремлением неотложно исполнить высокий гражданский долг, если бы в ней не было столько характерного, красноречивого. Представьте себе 74-летнего старика, сгорбленного, седого, который в четверть шестого утра уже явился в избирательный участок своего квартала.

— Голосование начинается в шесть, дедушка, — говорит ему председатель избирательной комиссии.

— Не беда, подожду. Хочу быть первым.

Старика зовут Василе Тимишан, он пенсионер, а сцена происходила в 3-м избирательном участке бухарестского округа имени Илие Пинтилие.

В других местах первыми голосовали юноши и девушки, которым только что исполнилось 18 лет или же — согласно установившейся в Долине Жиу традиции — передовые рабочие. В городе Сталин в избирательный участок пришли вместе румынские, венгерские и немецкие рабочие завода им. Эрнста Тельмана, а в Хунедоаре доменщики

Вверху: *Голосует Герой Социалистического Труда железнодорожник Штефан Лунгу.*

«Зелен лист, густа трава, мы теперь хозяева...» С песнями и веселыми припевками ехали выполнять свой гражданский долг члены коллективного хозяйства им. 30 ноября села Мэхуряну, района Филимон Сырбу.

ГОЛОС НАРОДА

1. *Задолго до шести часов утра двадцать восемнадцатилетних девушек, работниц фабрики им. 7 ноября, направлялись все вместе к избирательному участку, чтобы голосовать первыми.*

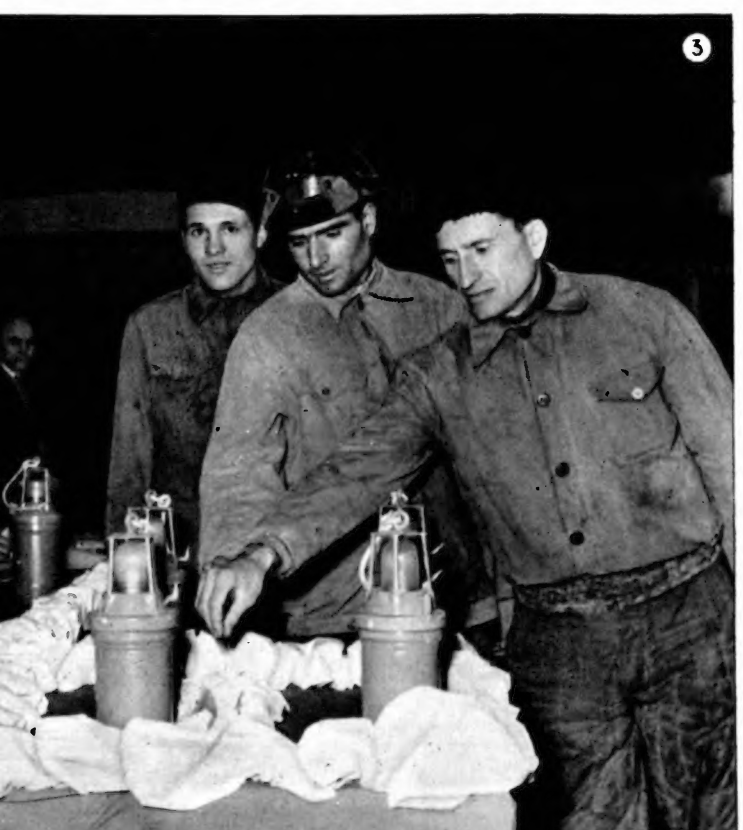
2. *Флорика Крайовяну, мать 17 детей, пришла голосовать вместе с ними.*

3. *Ночная смена кончилась... Шахтеры Ион Бота, Думитру Траян и Маноле Адам прямо со смены пришли на выборы.*

Председатель Президиума Великого Национального Собрания РНР д-р Петру Грозa и первый секретарь ЦК РРП Г. Георгиу-Деж среди избирателей на 3-м избирательном участке округа «Букурештий-Ной».

В хороводе на избирательном участке района Ферентарь с избирателями танцевал и председатель Совета Министров Киву Стойка.

«Лист зеленый, бубенцы, гей, пляшите, молодцы!» — Перед избирательным участком села Ботош, Венгерской Автономной Области, плясовой ансамбль художественной самодеятельности выступает перед избирателями.



Военнослужащие, не имевшие прежде права голоса, теперь исполняют свой гражданский долг.

бригады старшего литейщика Виктора Палла принесли с собой весть, что в ночь перед выборами выпущена тысячная плавка чугуна из крупнейшей доменной печи страны емкостью 700 кубометров. В селе Афумаць (район Бранешть) 22 хозяйства создали товарищество по совместной обработке земли в самый канун выборов и на заре все вместе пришли голосовать. Новому товариществу они присвоили имя 3 февраля.

О праздничной обстановке, в которой проходили выборы в Великое Национальное Собрание, свидетельствуют бесчисленные факты. В некоторых кварталах проживающие на одной и той же улице граждане договорились вместе прийти на выборы. С ними был и неизменный гармонист, который активно содействовал всеобщему веселью. После голосования, как и полагается в день народного праздника, в помещениях участков и на улицах начинались танцы. Самодеятельные коллективы, выступавшие в помещениях избирательных участков, развлекали избирателей.

Большинство граждан голосовало в первую же половину дня. К трем часам пополудни во всей стране свой голос подало уже 75 процентов всех избирателей. К 8-ми вечера процент доходил до 96. И в то время как из различных городов страны, например, из Виктории, сообщали, что выборы закончились в 12, дежурный радист «Наврома» поспешно принимал радиограммы с румынских коммерческих судов, находившихся на расстоянии тысяч километров от родины. На пароходе «Мангалия» в Средиземном море, в 8,50, комиссия, открывшая урну и подсчитавшая голоса, констатировала, что все 25 избирателей подали свой голос за кандидата Народно-демократического фронта.

В то же время голосовали и многочисленные румынские граждане, находившиеся за границей. В Лондоне в посольстве Румынской Народной Республики в числе других голосовал и дирижер Константин Сильвестри, пользовавшийся в столице Англии огромным успехом за пюпитром филармонии. В Анкаре вместе с членами дипломатического корпуса в выборах участвовали румынские футболисты, находившиеся в Турции. В Москве, Пекине, Варшаве, Будапеште и других столицах мира румынские граждане, заодно со своими соотечественниками на родине, своим выбором доказали преданность нашему народно-демократическому строю, политике партии и правительства РНР, делу мира и социализма.

Выборы 3 февраля — это поистине единодушный голос народа, который совершенно свободно избрал представителей из своих рядов и для управления своим государством. Это голос народа-строителя, который идет вперед с верой в будущее.

Л. ГОДЯНУ

«За счастье моего малютки», — сказала мать шестидневного паренька, доктор Мария Раду.

ДЕПУТАТЫ И ДЕПУТАТЫ

1937 г. Выборы. Зима с сугробами снега, с колокольчиками саней...

Село Избичень. Афиши, десятки афиш. На саманных стенах, на деревьях, на частоколах — всюду веселое, сияющее, каким его никто никогда не видел, лицо помещика. Десятки, сотни афиш... Расклеивает их знаменитый Нае Кастет (от французского cassè-tête — «проламыватель голов»), столп всех выборов, специально нанятый крайовский драчун, скандалист. Все ночь он ходит с кипой афиш подмышкой, взбирается на заборы, улюлюкает, грозит луне.

— Э-эй! И тебе налеплю на пузо. Кону*) Рошиану в списке либералов! Да здравствуют либералы! Да здравствует кону Рошиану, крестьянский кандидат!

... «Построим новую школу... дом культуры... мельницу...» Молочные реки в кисельных берегах!

и вы не подведите». Привел саперный полк, которым его племянник командовал, и соорудил мост. Заглядение! Железный, блестит, бистрецкие такого и не видывали. Выбрали Потырку, напились на радостях, а утром глядь — улетел мост, три бревнышка торчат. Разобрали его. У саперов, говорят, учение было.

... 1937 год. Последние выборы в прежний парламент.

После выборов Нае Кастет заботливо снимал афиши — пригодятся.

Село выступало из-за них — обычное село Олтении, края тысячи помещиков — со своими убогими домишками и покосившимися заборами, голодное, с его оспой, сохой, с горящими по ночам коптилками, село тысячи безграмотных.

... Об этом рассказал мне сам знаменитый Нае Кастет! Да, да! Несколько дней назад в Крайове

Хороший учитель умеет не только дать детям знания, но и завоевать их сердца. Посмотрите на Марию Ионеску — она обладает этим искусством.

Члены коллективного хозяйства сердечно поздравляют Г. Зарку (второй слева) *с избранием в депутаты Великого Национального Собрания.*

Столько меду, что и не подходи, приклеишься. Сколько уж лет красовались такие посулы на афишах.

— Ничего, — гоготал Нае, — выкатим бочку цуйки. — И прибавлял с апломбом:

— Дурачье! Голосуйте за кону Рошиану. Голосуйте по доброй воле. А не то он ваши голоса получит и так — они нужны государству.

Кастет не был лишен юмора:

— Будто другие лучше? (Другие — это кандидаты остальных партий).

Говоря о противниках, Нае — надо отдать ему справедливость — был всегда искренен: он называл вещи своими именами, резал правду-матку. Ему и не надо было выдумывать: «заслуги» оппонентов часто превосходили самое пылкое воображение, да и знали о них все.

— Четыре года назад едет Вирджил Потырка в Бистрецу. «Выберете, мост построю». — «Мерси, говорят, и большое спасибо. Это вроде железной дороги в Пленицу?!» — «Ах, говорит, как можно такие слова... Вот я вам сейчас мост построю, но

*) Кону — господин, барин.

кто-то указал мне на него: «Прежний выборный агент». И Нае, заметив, что речь о нем, подошел и попросил папироску. Он уже стар, ходит с палкой. Зажигая спичку, его рука — рука великого мастера мордобития, дрожит.

... Так, значит, было в Избичень...

Он вздыхает, опустив глаза.

— Было... Было да сплыло... Зато сегодня почище дела делаются. Знаете, кто кандидатом в Избичень? Георге Зарку. Так называемый председатель коллективного хозяйства.

— Вы его знаете?

— Как не знать! Батраком был у кону Рошиану. Я бы не прочь иметь столько денег, сколько у него рубцов на спине. Да мне-то что? Я не за это в обиде.

— А за что?

— Я, сударь, обращение люблю. Мне человека тонкого, француза подай. А вы вот послушайте. Я смекнул, что он кандидат, нанял повозченку — и в Избичень, к нему: «Сударь, говорю, товарищ. Не нужна ли моя помощь? Вам везет, я как раз свободен». А он: «Спасибо, не нуждаюсь». И смотрит на меня этак значительно. «Не нуждаетесь? — говорю. — Афиши могу расклеить. У меня еще остались... Со школой, с мельницей...» — «Мы их уже построили. Привет, — говорит, — тороплюсь». Торопится! И минуты не прошло.

Я улыбнулся. Зарку я знал и хорошо представил себе всю сцену. Удивительно, что он выдержал целую минуту. Появление этого живого призрака в 1957 году, наверное, застало его врасплох. С Зарку поговорить трудно. Занят, всегда занят, оброс седой щетиной... «на себя не хватает времени» — хозяйство все поглощает. Председателем Зарку с 1953 года. В 1953 году хозяйство трещало по всем швам: нелады, кражи, бесконечные ссоры из-за выеденного яйца. Зарку тогда приходилось туго. Зато если сейчас в хозяйстве 76 дворов — на 36 больше, чем вначале; если коллективисты сняли этим летом с гектара 15,20 ц пшеницы — на 9 ц больше, чем единоличники; если 50 человек построили себе новые дома и больше сотни расширили амбары, то в этом, да и не только в этом — во всем виден труд председателя. Или хотя бы история с кукурузой. Весной 1954 года Зарку предложил коллективистам сеять кукурузу квадратно-гнездовым способом. Засеяли (только на пробу) один гектар. Собрали 30 ц. зерна. На следующую весну засеяли четыре гектара и с каждого получили по 35 ц. В прошлом году квадратно-гнездовым засеяли весь отведенный под кукурузу массив. И получили самый высокий в области урожай — 42 ц с гектара...

— Да разве другие лучше? — вздохнул Нае. Я засмеялся. Да, он, действительно, прав: с его точки зрения другие кандидаты Народно-демократического фронта «ничуть не лучше».

Взять, хотя бы Петре Сэфтойу, технолога с нового завода «Электропутере». Если бы у него была визитная карточка (но боюсь, что он не знает мнения Нае о благородном обращении и поэтому не закажет ее), то на этой карточке было бы написано: «обмотчик-технолог, новатор, лауреат Государственной премии». Он учился при народной власти. Государство послало его специализироваться на большой завод в Свердловск. В 1951 году, когда он вернулся, «Электропутере» выпускала только маленькие вращающиеся машины. В создании первых машин мощностью 1000 кит., ввозившихся до этого из Швейцарии и Германии, главная роль принадлежат технологу Сэфтойу. В 1954 году он получил Государственную премию. Сэфтойу — один из самых молодых техников на заводе, а ему принадлежат десять новаторских предложений. А это означает миллионы лей экономии в год.

Вот еще один кандидат: каракальская учительница Мария Ионеску. Седая женщина с тонким лицом. Она учительствовала в селе Брынковень, бывшем поместье князя Брынковяну. Школа ютилась в пришедшей в негодность конюшне для арабских лошадей. Помещение не отапливалось — печи не было. Не было и стекол в окнах. Девятидесятилетние дети летом работали в поле, зимой — веяли пшеницу, стоя на цементном полу в холоде и сырости амбаров. Учительница не мирилась с этим. Но что могла она сделать одна? Ее несколько раз увольняли. После 23 августа Мария Ионеску деятельно участвовала во всех мероприятиях партии: земельной реформе, выборах, и т. д. В княжеском доме она открыла детский сад. Позднее, на посту директора педагогического училища в Каракале организовала образцовый, лучший в стране интернат, добилась стопроцентной посещаемости в школе (до нее было 50 процентов), организовала передовой по области самодеятельный ансамбль. Первую Медаль Труда в Каракальском районе получила Мария Ионеску. В 1952 году она была избрана депутатом Великого Национального Собрания. Ей обязаны своим существованием два коллективных хозяйства, две вальцевые мельницы, больница, родильный дом, несколько школ и домов культуры.

Новые депутаты Крайовской области... За них говорят их дела, живые, яркие факты. А Нае, крайовская знаменитость, ходит по улице Унирий и выпрашивает папироску.

И. ПУРКАРУ

Фото Д. РАДУЛЕСКУ

Только что закончилась встреча депутата Петру Сэфтойу с избирателями села Алмаж. Но как это бывает всегда, людям хочется переговорить обо всем, и вот разговор продолжается перед домом культуры.

НАШИ ИЗБРАННИЦЫ

Женщины — передовики производства, женщины-инженеры, руководители предприятий или крупных сельскохозяйственных объединений, общественницы, выдающиеся деятели науки. Теперь это уже для нас не ново, хотя не больше, как двенадцать лет назад, о женщинах говорили: «волос долог, ум короток».

Женщины нашей страны пользуются всеми правами и возможностями наравне со всеми трудящимися. Тому много доказательств. Одно из них — последние выборы в Великое Национальное Собрание.

Вот несколько из наших депутаток, которым, как и всем кандидатам Народно-демократического фронта, избиратели оказали полное доверие.

Депутат Великого Национального Собрания и член Национального комитета защиты мира РНР Мария Задару — председатель коллективного хозяйства. Но в первую очередь, она — любящая мать. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на наш снимок.

МЕЖДУ НАМИ, ЖЕНЩИНАМИ

В Комитете демократических женщин РНР я открыла недавно настоящий клад — и не только для рядового, а даже для самого разборчивого филателиста: марки всех цветов и размеров со всех концов света. Тут были марки Китая и Судана, Египта и Швеции, Югославии и Канады, Австралии и Монголии. Много марок, много писем и все — женские. О чем они? Какие тайны поверяются друг другу, какие мысли летят из конца в конец планеты?.. Письма соединяют, сближают. У женщин Румынии друзья во всем свете. Что же пишут эти друзья? А вот посмотрим.

«У НАС ОБЩИЕ ЖЕЛАНИЯ»

Англичанка Эдит Блейк — одна из 80 делегаток 23 стран, побывавших в нынешнем году в нашей стране по приглашению Комитета демократических женщин.

«*Дорогие друзья*, — пишет Блейк. — *Я вернулась на родину, в свой домик в Бристоле, к обычным домашним делам. Мне радостно было съездить в вашу страну — ведь мы друзья. До тех пор я не отдавала себе отчета в том, что народы таких разных стран, как наши, имеют столько общего. Это, наверное, оттого, что у нас общие желания: более высокий уровень жизни, возможность учиться для наших детей и мир. Теперь у меня есть два желания. Первое: чтобы кто-нибудь из вас приехал в Англию и увидел, как мы живем; второе: еще раз побывать в Румынии, увидеть достигнутым то, что вы еще только начали*».

Кимио Мийахара, маленькая японочка, разгуливавшая по улицам Бухареста в шелковом кимоно, пишет:

«*Когда я уезжала из Румынии, вы мне сказали: «Наступил день разлуки». А я думаю, что наша настоящая дружба началась именно с того дня. И я позабочусь о том, чтобы она развивалась и крепла*».

«ГОЛОС СЕРДЦА»

С недоумением беру в руки письмо Альбера Раве, парижского профессора. Как попало оно в груду женских писем? Оказывается, Альбер Раве приезжал к нам в качестве члена французского Национального комитета защиты ребенка и, естественно, стал гостем и Комитета защиты ребенка и Комитета демократических женщин, чье главное назначение как раз защита и воспитание детей.

«*Вспоминая проведенные с вами три недели*, — пишет Альбер Раве румынским друзьям, — *я прихожу к мысли, что для развития духа взаимопонимания и укрепления идей мира контакты в международном масштабе — абсолютная необходимость. Я лично всеми силами буду пропагандировать эту идею.*

Когда по возвращении из заграничной поездки я вошел в свой класс, ученики забросали меня вопросами. К сожалению, я убедился в их почти полном незнании Румынии. Зато, когда я рассказал им все, что видел, они пришли в такой восторг, что решили: всем, кто останется в школе после экзаменов, включить в свою программу внешкольных занятий изучение Румынии. Признаюсь, меня приятно удивило это решение, ибо оно свидетельствовало об убедительности привезенных мною сведений и о моем — о тщеславие! — ораторском таланте. Но разве трудно убедить, когда даешь волю голосу сердца?»

ПОДАРОК ИЗДАЛЕКА

Австралийка Дория Мак Ре познакомилась в Румынии с Флорикой Илие, учительницей одного из сел Хацегского района. Они не успели обо всем поговорить друг с другом — не было времени, и начали переписываться. Расстояние и время не охладили их обоюдных симпатий, а общая любовь к труду, радостям жизни, к миру, связала их крепкой дружбой.

«*Милый друг*, — пишет Дория, — *я была счастлива получить от вас весточку, узнать о вашей работе, о том, что вы ждете ребенка. Ваше письмо я получила в субботу. В тот же день, после обеда, в доме у меня собралась местная группа Союза австралийских женщин, и я прочитала им ваше письмо. Как радостно откликнулись они на ваши слова о мире и дружбе! После собрания одна из женщин дала мне пару детских туфелек, которые она приготовила для базара союза. «Пошлите их нашему другу в Румынию», — решили все. И вот я посылаю их вам вместе с письмом, вместе с самым сердечным приветом*».

ОТ САМЫХ БЛИЗКИХ ДРУЗЕЙ

Большинство просмотренных мною писем получено от лучших друзей румынских женщин — из Советского Союза. Советские работницы и общественницы, колхозницы и известные артистки пишут с одинаковой теплотой, проявляя одинаковый интерес к жизни своих румынских подруг.

Молодой бригадир бухарестской тканцкой фабрики им. 7 ноября Елеонора Гыртан прочла как-то в газете о новом методе заправки челнока, введенном в Иванове лауреатом Ленинской премии Ираидой Солодовой. Гыртан написала Солодовой, и та не замедлила ответить, прислав с письмом и брошюрку с подробным описанием нового метода. Она предупреждала, что сначала работать по-новому будет трудно. «*И мне было трудно, дорогая Елеонора. Но у нас так: раз решили, не отступаем, пока не добьемся. Но этого, однако, недостаточно — останавливаться, успокаиваться, нельзя. Надо все силы, все знание отдавать народу, родине*». Елеонора запомнила золотые слова. И теперь, когда стала контролером по качеству и пропагандирует новый метод во всех бригадах, часто повторяет их товарищам по работе и поясняет: «*мне написала это одна советская женщина*».

Тудоре Пырлог, коллективистке хозяйства «Путь Ленина» очень помогла передовая колхозница, знаменитая сборщица чая из грузинского колхоза им. Ленина Тамара Купуниа. Они познакомились несколько лет назад, когда Тудора ездила в колхоз имени Ленина, и с тех пор переписываются. Сначала Тудора рассказала о своей работе, а Тамара ответила подробным описанием своего колхоза, потом Тудора сообщила о том, что она работает по методам советских колхозников.

«*Я очень рада*, — ответила Тамара, — *что наш коллективный опыт идет вам на пользу. Это воодушевляет нас и заставляет работать еще лучше.*»

Переписка продолжалась. Тамара написала румынской подруге о своей семье, а в последнем письме поделилась: «*У нас в семье большая радость — женился мой сын, Бондо. По этому случаю было провозглашено немало тостов и за вас, милая Тудора, за дружбу народов всех стран*».

Письма женщин укрепляют их дружбу. Женщины делятся мыслями, пишут о своих самых сокровенных желаниях, поверяют друг другу женские «тайны», в которых собственно нет ничего тайного: ибо это — любовь к миру, стремление к сотрудничеству, добрососедству и дружбе между народами. Разве того же не хочет весь мир?

М. ПЕСКАРУ

1 *Ректор Клужского университета им. Виктора Бабеша Ралука Рипан очень любит цветы. Им она уделяет редкие минуты досуга, которые ей оставляет активная работа в области химии и на общественном поприще.*

2 *В 1949 году Лариса Майку — простая работница бухарестской текстильной фабрики «Фламуро Рошие», в 1951 году — начальник цеха набивных тканей и заочница текстильного института. Сейчас она — главный инженер технического отдела и депутат Великого Национального Собрания.*

3 *«... Вот, дорогой мой сын, твоей матери народ оказал доверие»... Так закончила свое письмо сыну, студенту Ясского политехнического института, Елизавета Нона, коллективистка из села Голэшей, избранная недавно депутатом Великого Национального Собрания.*

4 *Ирма Банди — передовая работница клужской обувной фабрики им. Иноша Хербака. Она не забывает, как избиратели говорили ей: Когда будешь депутатом, работай так же хорошо, как на фабрике.*

5 *У Эмилии Самоила, директора галацкой текстильной фабрики «Мунка» — гости. Старые товарищи по работе, ткачихи Отилия Константинеску и Эрна Дворак, пришли поздравить ее с избранием в депутаты Великого Национального Собрания.*

ЗА 15 МИЛЛИОНОВ ТОНН ЗЕРНА

Беседа с МАРИНОМ СТАНКУ,
министром земледелия

Весна. Борьба за хлеб начинается в этом году под знаком претворения в жизнь решений декабрьского пленума ЦК РРП, который, глубоко проанализировав причины отставания сельского хозяйства по сравнению с бурным ростом промышленности и потреблением населения, принял ряд важных мер.

Корреспондент журнала «Народная Румыния» обратился к министру земледелия Марину Станку с просьбой рассказать, как проводятся в жизнь решения партии. Ниже помещаем беседу с товарищем Марином Станку.

— Прежде чем ответить на ваши вопросы, — сказал товарищ Марин Станку, — я с самого начала хочу подчеркнуть: партия и правительство смогли принять важные меры для развития сельского хозяйства и, в первую очередь, упразднить систему обязательных поставок зерна и молока теперь, после засушливого года и посредственного урожая, только благодаря неоценимой помощи Советского Союза. 450 тысяч тонн зерна, которое дает нам на необычайно выгодных условиях Советский Союз, обеспечивают нас хлебом до нового урожая и дают возможность приступить к выполнению намеченных нами вполне реальных планов.

Об этих планах и первый наш вопрос:

— Какие еще меры принимаются в этом году, чтобы в 1960 году мы смогли собрать, как это намечает решение, 15 миллионов тонн зерна?

— Во-первых, мы увеличим площади под основными культурами. За четыре года мы добьемся того, что у нас будет 3,5 миллиона га пшеницы и 4 миллиона га кукурузы. Это значит: для того чтобы собрать 15 миллионов тонн зерна, нужно получить с каждого гектара самое меньшее двадцать центнеров.

Главное — поднять урожайность. Последние решения увеличивают материальную заинтересованность крестьян, — я подразумеваю и крестьян социалистического, кооперативного сектора и единоличников. Крестьяне заинтересованы в том, чтобы рационально использовать всю сельскохозяйственную площадь, шире осваивать передовые методы агротехники и животноводства. Все это ставит перед деятелями науки и специалистами сельского хозяйства задачу работать в более тесном контакте с производством, среди крестьян, там, где решается судьба урожая. Но у нас есть целая армия специалистов, на которую можем рассчитывать.

— Можете ли вы назвать нам несколько цифр, чтобы показать положение в прошлом?

— Конечно. В 1938 году, например, на 12 с половиной тысяч гектаров земледельческой площади приходился один агроном. Сегодня один агроном обслуживает 1.700 га. Как видите, есть «небольшая» разница. Главная задача работников нашего сельского хозяйства — быть настоящими организаторами сельскохозяйственного производства, полностью использовать все современные средства, повышать урожайность.

— Вы подразумеваете, в первую очередь, механизацию?

— Да. В нынешнем году согласно решениям декабрьского пленума производство сельскохозяйственных машин утроится: деревня получит еще 3.100 тракторов, 4.400 культиваторов, 3.000 тракторных плугов, 1.000 комбайнов на механической тяге для уборки колосовых, 500 кукурузоуборочных комбайнов и другие машины. Кроме количественного роста машинно-тракторного парка большое значение имеет и его улучшение. С производства сельскохозяйственных машин на механической тяге, тяжелых, менее производительных и требующих большего числа рабочих, мы перейдем к производству навесных машин, лучше отвечающих агротехническим и экономическим требованиям. Это значит, что увеличится число колесных тракторов с пневматическими шинами, навесных плугов, комбайнов на механической тяге и пр.

В первую очередь будет обеспечена комплексная механизация работ по выращиванию основных культур — пшеницы и кукурузы.

Машинно-тракторные станции, которые играют все большую роль в жизни румынского села, расширяются и будут оказывать сельскому хозяйству разностороннюю помощь, выполняя не только полевые работы, но и работы в животноводстве, транспорте и т.д. С этой целью организуются постоянные бригады механизаторов, которые будут закрепляться за коллективными хозяйствами, товариществами и кооперативными объединениями на весь сельскохозяйственный год.

— Особенное внимание уделяется в решении удобрениям...

— И это вполне своевременно, так как в этой области не все обстоит как следует. Годовое производство органических удобрений достигает — из расчета на наше нынешнее поголовье — почти 2 миллионов тонн, что достаточно лишь для одной пятой части сельскохозяйственной площади, а неорганические удобрения составляют в последние годы только 8 процентов потребного количества. Вот почему приняты меры для увеличения мощности химической промышленности, производящей удобрения. К концу второй пятилетки мы будем употреблять в год свыше 1 миллиона тонн неорганических удобрений т.е. в 6 с лишним раз больше, чем в 1956 году.

— Что вы можете сказать о расширении площади посевов гибридной кукурузы?

— Еще в этом году будет уделено особенное внимание увеличению производства двойных внутрилинейных гибридов кукурузы. В 1956 году наше государство импортировало эти гибриды из США, и они оказались в некоторых областях продуктивней местных сортов. Но гибриды «Пайонир», ввезенные из Соединенных Штатов, не вполне подходят к нашим условиям. Так, в центральных, северных и восточных районах Румынии эта кукуруза не вызревает. Чтобы вырастить кукурузу с нужными качествами и, вообще, двинуть вперед исследования по выращиванию кукурузы, недавно был открыт Научно-исследовательский институт по выращиванию кукурузы. Одновременно были приняты меры, чтобы непосредственно заинтересованные единицы уже в этом году значительно увеличили производство гибридных семян кукурузы.

Вся агротехника, предоставленная сельскому хозяйству, конечно, принесет наибольшие плоды, главным образом, в крупных социалистических хозяйствах. Мы бы хотели поэтому услышать от вас несколько слов о помощи государства социалистическому сектору хозяйства.

— Самыми крупными производителями товарного зерна должны стать в ближайшие годы, в первую очередь, государственные хозяйства. Их пахотная площадь достигнет миллиона гектаров, из которых 350 тысяч га будут засеяны пшеницей и рожью, а 400 тысяч га кукурузой. Государственные сельские хозяйства будут комплексно механизированы, получат необходимые количества химических удобрений и превратятся в настоящие заводы зерна. Социалистический кооперативный сектор будет расти и в дальнейшем — за счет создания на основе добровольности новых коллективных сельских хозяйств, сельскохозяйственных производственных кооперативов с рентой и товариществ. Об организационно-экономическом укреплении уже существующих хозяйств заботятся тысячи партийных и государственных работников. Так, например, они помогли составить производственные планы на 1957 год, на основе тщательного анализа социально-экономических и природных особенностей каждого села. Эти планы откроют большие возможности для увеличения растительной и животной продукции.

— Последний вопрос. Как улучшится государственное руководство сельскохозяйственной экономикой?

— На повестку дня поставлен вопрос о децентрализации деятельности государственного аппарата на основе принципа демократического централизма. С этой целью будут расширены полномочия областных и районных сельскохозяйственных отделов в рамках исполнительных комитетов народных советов. Некоторые учреждения и предприятия Министерства сельского хозяйства, как, например, агролаборатории, ветеринарные лаборатории, рассадники лесных и сельскохозяйственных культур, центры борьбы с эрозией почвы, с вредителями растений и т.д. переходят в ведение областных сельскохозяйственных органов. Кроме того будет осуществлена более тесная связь с производством институтов проектирования сельскохозяйственного строительства, мелиорации, землеустройства, чтобы сделать проекты более экономными и наилучше отвечающими местным требованиям. Перейдут в ведение народных советов и предприятия сельскохозяйственного строительства. Они должны будут обеспечивать добротное и дешевое строительство при использовании всех местных ресурсов.

В управлении государственных сельских хозяйств также намечены существенные перемены. Так, областные тресты становятся центром деятельности государственных сельских хозяйств в местном плане, организуются по принципу хозрасчета и непосредственно отвечают за выполнение производственных планов государственных сельских хозяйств.

Наряду с децентрализацией упрощается и организация, планирование, отчетность, статистика, выдача кредитов и пр.

Улучшается и система зарплаты, премиальная система. При широком участии заинтересованных масс будет разработана такая система оплаты труда, которая будет непосредственно связана с практическими результатами. Увеличится материальная заинтересованность рабочих, инженерно-технических работников и агрономов в росте сельскохозяйственной продукции, выявлении и использовании всех резервов, ликвидации ненужного бюрократизма и косности, еще бытующих в различных звеньях сельскохозяйственных единиц.

Таковы занимающие нас основные проблемы. Даже их краткое перечисление свидетельствуют об одном: я, думаю, мы начинаем новый сельскохозяйственный год «во всеоружии».

ВЕСНА НА ПОЛЯХ

БУДНИ УЧИТЕЛЬНИЦЫ МУЗЫКИ

Когда лет пятнадцать, скажем, назад простому рабочему человеку случалось проходить мимо прекрасного парка на холме Котрочень с королевским дворцом в глубине, вряд ли ему приходило в голову, что настанет время, и для детей его этот дворец и парк будут вторым родным домом. Летняя резиденция королевы — величественный ансамбль зданий, раскинувшихся на площади в 2 тысячи квадратных метров и окруженных парком в 22 гектара, этот лесной рай посреди шумной столицы был передан народной властью пионерам и школьникам. И вот уже много лет подряд у главного подъезда дворца каждый день появляются не пышные свиты придворных, а шумные пестрые стайки ребятишек с красными галстуками на груди.

Человека, попавшего во дворец пионеров впервые, он может буквально заворожить — так много в нем интересного, увлекательного, заманчивого. Солидные технические мастерские, оранжерея, тир, гимнастический зал, маленький зоосад, балетная студия и так далее и так далее. 50 кружков — это не шутка, глаза разбегутся.

Рассказать о работе всего дворца или хотя бы одной, например, художественной секции, было бы немыслимо в одной статье; ведь в этой секции до десятка разных музыкальных кружков, несколько кружков изобразительного искусства, хореографического, драматического и хорового. Чтобы читателям стало ясно, какую важную воспитательную роль играет Бухарестский дворец пионеров, как творчески, с огромной любовью к детям трудится его коллектив, расскажем об одном из музыкальных кружков. Например, о кружке пианино, которым руководит опытная учительница музыки, человек большой творческой выдумки Леонтина Кобан.

*

От учителя музыки во дворце пионеров требуется много терпения, выдержки, изобретательности и, наконец, просто внимания и времени.

Выход на сцену! Режиссер Лия Никулеску торопливо напутствует «актеров».

Андрей Нестор не теряется перед публикой.

Первое публичное выступление. Если учительница отойдет, пианисты растеряются.

Это — сцена из пьесы «Детство Моцарта». Маленький Моцарт — ученица 6 класса Лидия Федюк, прекрасный дирижер и гордость всего кружка.

Идет спектакль «История вальса». Дойна (Никулина Опришин) и дедушка (артист Григоре Павел).

Это тоже сценка из «Истории вальса».

Леонтина Кобан с лучшей своей ученицей Лидией Федюк.

За неделю у него перебывает обычно более сотни ребятишек разного возраста и из разных школ, разных способностей и неодинаковой подготовки. Как увлечь их занятиями, поддержать огонек интереса к утомительным упражнениям, научить понимать язык звуков и полюбить музыку? Ответ на эти вопросы подсказала Леонтине Кобан многолетняя практика, а то, что это действительно так, доказывают успехи ее питомцев.

Грюнфельд Петре, сын рабочего-механика, поступил в кружок не больше трех месяцев назад. Дома у него нет инструмента; занимаясь только в кружке, он легко овладел техникой и уже играет самостоятельно короткие пьесы. Джорджета Войкулеску, старательная, вдумчивая девочка, впервые коснулась клавишей пианино тоже здесь, во дворце, и за два года, приходя в кружок один-два раза в неделю, добилась неплохих успехов. У Лидии Федюк, смуглой застенчивой шестиклассницы, оказались исключительные музыкальные способности и абсолютный слух. Она чисто и с чувством играет Шумана, Баха, Глинку, Моцарта и т.д.

Да мало ли их, приезжающих во дворец со всего города и шаг за шагом идущих к радостным успехам? Сегодня им с трудом дается премудрость нотных крючков, через месяц — другой они замечают вдруг, что пальцы их стали послушны и быстры, а через год, через два уже выступают в концертах. Однажды они узнают новое имя, в другой раз слышат рассказ об истории какого-нибудь произведения, в третий — находят в кружке стенгазету, посвященную знаменитому композитору.

У Леонтины Кобан — хорошее правило: не только учить детей музыке, но и воспитывать в них упорство, настойчивость, трудолюбие, знакомить с жизнью великих композиторов, прививать вкус к классической музыке, расширять их культурный кругозор. Но как это сделать, чтобы детям врезалось в память, чтобы увлекало, захватывало их? И вот, решив ставить с этой целью большие музыкальные спектакли, учительница музыки засела за литературный труд.

На свет появился несложный сценарий «Детство Моцарта». А вскоре был поставлен и спектакль, который знакомил ребят и с удивительной жизнью великого композитора, и с его произведениями, и в то же время позволял им продемонстрировать свои музыкальные успехи. Спектакль вышел интересный, ставился несколько раз и не только во дворце, но и в городе.

Затем родился второй спектакль «История вальса». Школьница Дойна хочет стать композитором и написать вальс. Дедушка уверяет ее, что это не так легко, рассказывает о юности Моцарта, Штрауса, Шопена, и рассказ его представлен в виде отдельных сценок. Дети видят маленького Моцарта, мальчика-Штрауса, слушают их знаменитые вальсы, смотрят отрывки из балета «Лебединое озеро» и т.д.

Спектакль захватил все кружки: хватило работы и маленьким балеринам, и аккордеонистам, и скрипачам, и оркестровикам. Играли 120 человек. В главных ролях выступали артисты, а другие «взрослые» роли исполняли работники дворца пионеров. Времени было потрачено много, но зато какие победы, какой успех! К тому же разучивать новую вещь для выступления детям гораздо интереснее, чем просто так, для себя.

Леонтине Кобан нередко случалось слышать, что родители не слишком доверяют кружку. «Чему может научиться ребенок, садясь за рояль не больше двух раз в неделю? Время только теряет. Пусть лучше подзубрит уроки». Но ведь это неправда! Она делает все, чтобы за эти два занятия в неделю дети получали как можно больше, и они успешно идут вперед. Учительница стала приглашать родителей во дворец на маленькие отчетные концерты. Сначала этим заинтересовались немногие, но позднее родители стали появляться во дворце чаще, чем нужно.

Недавно юные пианисты давали для родителей очередной концерт. Пап, мам и бабушек, желающих послушать игру своих маленьких любимцев, оказалось так много, что для самих «артистов» в не слишком просторном зале не нашлось ни одного места.

Концертом остались довольны все. Родители увидели, чему научились дети за несколько месяцев, в чем их недостатки и ошибки и как они сами могут помочь преодолеть их. Разошлись после долгих и задушевных бесед с учительницей. У каждого нашлось для нее сердечное слово благодарности за внимание к детям, за то, что эта маленькая скромная женщина отдает своему трудному делу все богатства своей большой человеческой души.

Т. БОЛОКАН

Фото Е. ЗЛОТИ

ГЛАЗАМИ ФОТОРЕПОРТЕРА

КОГДА ЖДУТ ПЕРВЕНЦА

Перед витриной с детским приданым — чепчиками, пинетками и другими миниатюрными принадлежностями одежды, которые обычно не особенно привлекают взоры мужчин, остановился молодой человек. Позже мы узнали, это С. Иордаке, участник художественного ансамбля Центрального совета профсоюзов (1).

Любопытство нашего фоторепортера затронуто, и он приготовил свой аппарат.

Вскоре он снова увидел молодого человека, на этот раз у ворот большого здания казенного вида в центре Бухареста (2), и его удивление возросло.

Молодой человек в чем-то горячо убеждал грозного привратника.

Вначале все его красноречивые доводы не имели никакого воздействия: как об стенку горох! Но в конце концов сопротивление привратника было сломлено, и нашему молодому человеку удалось проникнуть в царство белых халатов и тишины. Настигнув на лестнице женщину-доктора, он буквально атаковал ее: «Ну как? Что с Лили? Когда же... Когда наконец?... Поймите же, первенец!» (3).

Все ясно... И мы хорошо понимаем его волнение, но он — не первый и не единственный будущий папаша. Таков уж удел всех молодых отцов: не знать покоя, не спать всю ночь и через каждые несколько минут беспокоить дежурную сестру (4).

Ура! Наконец-то ... Мальчик! Четыре с половиной килограмма! И на голове — масса волос.

От души поздравляем с новорожденным!

Но заботы молодого отца только начинаются. В первую очередь, нужна ванночка (5).

Все готово! Маленький Еуджен, которому в данную минуту семь дней и три часа от роду, переезжает из родильного дома к себе домой (6).

— Теперь нас трое... (7).

Но какие волнения пришлось пережить до этой счастливой минуты! Не легко быть отцом!

ДАН ГОЛЬДЕНТАЛЬ

КАМИЛ ПЕТРЕСКУ:

«НОВЕЛЛЫ»

Камил Петреску, драматург и романист, — безусловно, один из виднейших представителей нашей современной литературы. Вступив на литературное поприще после первой мировой войны, он исключительно правдиво запечатлел события и самые примечательные фигуры румынского общества своего времени. Самое характерное в этом большом художнике — тяготение к гармоничной, недюжинной личности, намного переросшей окружающую среду, личности, которая утверждает свое право на существование среди посредственностей и пошлости прогнившего общества. Образы благородного художника Ладима — в романе «Прокустово ложе», журналиста в пьесе «Сильные души», славного революционера 1848 года Николае Бэлческу, героя недавно вышедшей в свет трилогии «Человек среди людей» — каждый по своему дают представление о тех духовных координатах, которые определили сущность творчества Камила Петреску: суровое, строгое преклонение перед человеком рыдающимся, способным на высокие душевные движения, горящим в огне страсти, верности и благородных стремлений.

Камил Петреску — писатель-гуманист. Об этом свидетельствует и недавно вышедший в Государственном издательстве литературы и искусства сборник новелл. Верный своему идеалу, писатель изображает жизнь в обычной для него манере. С легкостью классического портретиста он иногда набрасывает, иногда тщательно вырисовывает портреты людей самых различных общественных категорий. Верен он и своей теме. Вот драма человека большой душевной тонкости, поэта униженного и непонятого («Перчатки»); вот бедные художники, упорно и мужественно борющиеся против опошления своего искусства в угоду меркантильным интересам («Башня из слоновой кости»); или трогательный своей искренностью интеллигент, который в 1944 году переживает вместе со всем народом радость освобождения («Эпизод»). Гуманистическая ценность этих новелл — окрыляющее каждую из них вдохновение, суровый пафос, утверждение и прославление лучших человеческих качеств. Герои их — люди большой души, живущие богатой духовной жизнью. Таков, например, Джелу Рускан, фанатический поборник правды, журналист из пьесы «Сильные духом», ставший героем новеллы «Башня из слоновой кости». Он стоит перед читателем во весь рост, и исходящая от него сила освещает и насыщает каждую страницу. Его убеждения, его прямолинейность и твердость во всех жизненных ситуациях, при любых обстоятельствах запоминаются навсегда.

Манера письма Камила Петреску проста и выразительна. Говорит ли он о любви или дружбе, о кипении мыслей или о любой страсти — его перо не выводит, а чертит, нервно, точно и скупо; он обрисовывает одним штрихом любую ситуацию; первоклассный драматург, он знает тайну исчерпывающей реплики.

Своеобразные, раскрывающие перед читателем мир людей, необычайно интересных, сильных и непреклонных, новеллы эти — новое произведение испытанного, высоко талантливого художника — были приняты румынской публикой горячо и оценены по достоинству.

Международный конкурс им. Энеску

Совет Министров РНР учредил Международный конкурс скрипачей и пианистов им. Джордже Энеску.

Конкурс является не только выражением желания почтить память нашего великого мастера музыки, но и исполнением воли Джордже Энеску, который столько сил положил на то, чтобы продвигать музыкальное искусство в широкие массы, помогать совершенствоваться самым одаренным из его молодых представителей.

Конкурс будет иметь место в Бухаресте каждые три года. Разработан устав первого конкурса, который состоится 5—15 сентября 1957 года.

В конкурсе могут участвовать музыканты всех стран мира, которым 31 декабря 1958 года будет не больше 33 лет.

В программе три раздела: испытание скрипачей, пианистов и лучших исполнителей на скрипке и фортепьяно Третьей сонаты Джордже Энеску.

Конкурсные испытания будут состоять из трех прослушиваний. На заключительном туре исполнители будут выступать в сопровождении оркестра. Программа включает произведения Джордже Энеску, а также пьесы классических и современных румынских и зарубежных композиторов.

Конкурс исполнителей Третьей сонаты для скрипки и фортепьяно Джордже Энеску состоит из двух прослушиваний. На первом участники будут исполнять первую часть сонаты, на втором — всю сонату.

Музыканты, участвующие в конкурсе исполнителей Третьей сонаты Джордже Энеску, имеют право участвовать и в других конкурсах.

Жюри, в которое войдут музыкальные деятели с мировым именем, будет присуждать премии, медали, похвальные грамоты. После окончания конкурса лауреаты дадут торжественный концерт в Бухаресте и ряд концертов в других городах Румынии.

ВИКТОР ТУЛБУРЕ:

«ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ»

В 1948 году вышел первый томик стихов поэта Виктора Тулбуре, озаглавленный «Красная скрипка». В авторе их многие румынские писатели тотчас же угадали самобытное поэтическое дарование. С тех пор и до декабря 1956 года, когда Государственное издательство литературы и искусства выпустило объемистый том «Избранных стихотворений» Виктора Тулбуре, поэт дал читателям еще несколько сборников: «Баллада о товарище, павшем при раздаче «Скынтейи» в подпольи», «Ванина вишня», «Нивы», «Хвала родине», «Жаркое лето».

В стихах Виктора Тулбуре находит отражение целый мир чувств, переживаний, идей; однако для автора их характерно прежде всего постоянное стремление подмечать моменты высочайшего напряжения, рисовать сильных людей и их трудовые подвиги.

В творчестве В. Тулбуре звучат еще отголоски трудных лет последней мировой войны: «*Окопы — неписанные белые баллады... Пушкин в мешке с гранатами. В минуты затишья парень поет о кавказских колхозниках. А где-то в Татрах, в горах, алые лавры венчали чело павших...*».

Характерная черта преимущественно боевой лирики поэта — это страстная борьба за жизнь. Поэзия Виктора Тулбуре полна моральной силы. Вот позиции, с которых поэт выступает в последние годы, постоянно обогащая сферу своего лирического творчества и все время находя новые и новые, «свои» средства выражения.

Самое ценное в его творческой индивидуальности — неутолимая жажда жизни, творчества, счастья. И это выливается в образы редкой художественной красоты, которые поэт ищет, главным образом, в природе. Новая, все время обновляющаяся, непобедимая жизнь расцветает повсюду, на всей территории родной страны, и поэт чувствует, как она бурлит и клокочет «даже в травах и нежных ростках», как «вешнее дыхание» ее освежает разгоряченный лоб.

Виктор Тулбуре умеет с большой впечатляющей силой передать чувства преданности и признательности наших людей к великому народу Советского Союза, который помог нам освободиться от фашизма. «Ванина вишня» — это героическая эпопея и в то же время гимн благодарности советскому бойцу, павшему за освобождение нашей родины. В нем говорится: «*Ты, может быть, лицом зарылся в землю, и кудри русые твои смешались с нивой. Из тела твоего березки, может быть, растут...*»

В стихотворении «Дед, письмо, кобыла, Теркин и что еще было» те же чувства нашего народа, что показаны и в «Ваниной вишне», получают новое выражение, переданы с тонким и живым юмором, с трогательным волнением.

Виктор Тулбуре много и плодотворно работал как переводчик. В числе других произведений он перевел и сборник стихотворений Тараса Шевченко, известную поэму П. Грибачева «Весна» в «Победе» и «Два потока» П. Тихонова.

Вот почему по случаю выхода в свет «Избранных стихотворений» Виктора Тулбуре большинство читателей послали любимому поэту сердечные поздравления и пожелания новых творческих успехов.

МИРОН ДРАГУ

ЮМОР · ЮМОР ЮМОР ЮМОР · ЮМОР

Ах, вот как ты занимаешься с ним по геометрии!

Если позвонит жена, скажи, что я с товарищами Ионеску и Попеску на заседании в министерстве.

Если ты позволишь мне пойти посмотреть, я буду точь в точь как эта артистка.

Она. Помнишь? На этом мостике двадцать пять лет назад ты сделал мне предложение.
Он: Как не помнить...

Рисунки Х. ЧАТТИ

РАЗВОД

САДИ РУДЯНУ

Скажу открыто — я влюблен. Влюблен страстно, нежно, как мальчишка, как солидный мужчина, как старик, как все вместе. Что лучше всего — это, что и она меня любит! Ну как не пѐть, не плясать, не рассказывать всем и каждому? Влюблен — и если бы знали в кого! Если бы вы только знали! Но вам и невдомек — в свою жену!

Ведь я женат, то есть, вернее, был женат. «Был» — это не значит, конечно, что теперь уже не женат. Чуть-чуть было так не случилось — но не случилось. И это после пяти лет совместной жизни. И знаете из-за чего? Из-за амбиции. Да, да, из-за амбиции. А ведь мы не маленькие. Мне 33 года, ей... Но зачем поднимать деликатный вопрос? Достаточно того, что мне 33 года.

После пяти-шести лет супружества жену, разумеется, все еще любишь, но по секрету! Не чувствуешь больше потребности говорить ей об этом, хотя ей это, может быть, и нужно. Приходя обедать, знаешь наверное, что она дома. Ее голос по телефону уже не бросает тебя в дрожь. Когда тебе «достается» на службе, очень часто случается, что из-за этого ей достается в три раза больше. Да, после пяти-шести лет ты забываешь, что женился по любви, забываешь, как ждал ее после лекций у университетского подъезда, какое сладкое волнение охватывало тебя, когда ты в темном зале кино в первый раз сжал ее руку. Теперь она с ребенком сидит где-то впереди, а ты — чтобы лучше видеть! — дальше. Одним словом, ты забываешь все. И с какой завистью смотришь на приятеля-сверстника, который еще «сам себе хозяин».

Поссорились мы из-за чепухи. Ее мать прожила у нас месяц. До этого мы с тещей жили в мире и дружбе (нам не случалось жить вместе больше трех дней). Она вполне почтенная женщина. Но после ее отъезда я что-то такое сказал. Жена отпарировала. Ответил и я не совсем любезно. Кончилось плохо: Я: «Если бы я не тебе не женился, тебя бы никакой черт не взял!» Она: «Лучше черт, чем ты!»

И оба подали заявление о разводе. Я — удивленный, что она не просит прощения, она — и не собираясь каяться. Развод — и точка.

У меня в голове одно: как заставить ее страдать, плакать, пасть на колени, молить? И нахожу средство. Пишу ей письмо, которое свидетельствует о моем великодушии. «Жить вместе нет больше никакого смысла, но я не прошу тебя уйти — ухожу сам. Оставляю тебе все, не имею никаких претензий (это, чтобы она подумала: «он предпочитает все бросить, лишь бы избавиться от меня!» До чего умно!) — и переселяюсь к матери.

Я был уверен, что она придет вся в слезах, будет жаловаться на меня матери, доказывать, что она ни в чем не виновата, что ей тоскливо одной, напомнит прошлое — которое я начал вспоминать все чаще. Но она не являлась. Через неделю я не спал, не ел, потерял интерес ко всему. Я стал понимать, как я ее люблю. Сравнивал ее с женами своих друзей — ни одна не выдерживала сравнения. И я, дурак, ушел из дому! Если бы я остался, мы, может быть, помирились бы. А теперь конец. Скоро у нас первая явка в суде, а потом... Я ходил, как потерянный. И был уверен, что она меня не любит. Ведь если бы любила, пришла бы мириться. А сам я отчего не пошел? — Амбиция! Мать хлопотала вокруг меня, не знала, чем утешить.

Прошел месяц. И вот я на суде. Стою и не верю, что я развожусь с женой, которую люблю, которая ни в чем передо мной не виновата и с которой мне не из-за чего разводиться. Но она — в сердце у меня тысячи ножей — она меня, наверное, не любит. Чтобы не позвонить по телефону? Выдержать месяц разлуки? Может, самому попробовать помириться? К чему? Если она ответит: «Нет», я окажусь в дурацком положении. Где моя гордость? Я мужчина, черт возьми!

Вот она. Увидела меня. Боже, какой холодный взгляд! Так, значит. Ладно, я тоже умею стоять с окаменелым лицом. Поклонившись, открываю газету и читаю. Ни черта не понимаю и вижу не буквы, а ее — такой, как она была шесть лет назад. Как она меня любила! А теперь... словно я чужой. Поднимаю газету выше, чтобы она не увидела моей страдающей физиономии. Она в ту же секунду поворачивается ко мне спиной и читает объявление. Какое безразличие! Объявления ей сейчас нужны! Я не могу удержать вздоха, и сосед участливо спрашивает меня:

— Вы тоже за свидетельством о смерти?

— «Хуже», — отвечаю я мысленно. И смотрю на нее поверх газеты. Она все еще читает объявление. О женщины! Как они быстро все забывают. И как я ее люблю! Как она хороша! Никогда не была так хороша, как теперь, когда мы разводимся.

Нас вызывают. Секретарь читает. Мы оба просим развода. Судья спрашивает нас: «Почему?» Я молчу. Она тоже молчит. Но судья хочет знать причину. Как будто я ее знаю!

— Часто ссоритесь?

— Не очень.

— Что же случилось на этот раз? — Мы, наконец, смотрим друг на друга. Она взволнована страшно, бледна до синевы. Не знаю, как выгляжу я, но у меня дрожат колени. Она рассказывает судье, что случилось. Я молчу. Да, правильно, так. Судья улыбается.

— Из-за этого разрушать семью? Стоит ли?

Честное слово, мне хочется его поцеловать. Не судья, а брат родной! Ведь я тоже так думаю. Кто бы бросил такую жену?

Ах, кабы я знал, что думает она! Если бы она чувствовала то же, что и я, я бы закричал во все горло, что мы будем жить как муж с женой до глубокой старости! Но я не кричу, потому что и она не кричит. И не хочу стать посмешищем и услышать категорический и презрительный отказ. В особенности, видя, как она хмурится и кусает губы. Нет, я буду молчать, хоть умру с тоски. Но судья (милый, милый судья!) словно читает у меня в сердце и стоит на своем:

— Вы уверены, что больше не можете жить вместе? То, что вы мне рассказали, не причина для развода. Отвечайте!

Друзья, дорогие друзья! Как я хотел, так он и решил. Нет причин для развода! Этого судью и его заседателей я всем, всем рекомендую. Они вас спасут.

Мы вышли из здания суда и остановились на тротуаре. Молча, рядом. Я был пьян от счастья, и сердце у меня бухало, как молот. Ее лицо стало менее бледным. Мы прошли несколько шагов. Прошли несколько минут, не говоря ни слова. Миновали остановку трамвая. Я несмело попытался найти путь к сближению (это с собственной-то женой):

— Как дома?

Я не обратился к ней ни на ты, ни на вы, не назвал по имени.

— Не знаю.

Я испугался.

— То есть как, не знаешь?

— Я тоже жила у мамы.

Мне хотелось скакать и петь от радости. Значит, она не смогла жить одна в нашем гнездышке. Не смогла! Значит... может быть...

— Ты меня... хоть немножко...?

Она подняла свои большие влажные глаза и расплакалась. Я прижал ее к сердцу... Засвистел постовой. Мы были посередине улицы.

— А ты? — спросила она.

Постовой опять засвистел. Мы пошли рука об руку.

Остановились перед кино.

— Посмотрим?

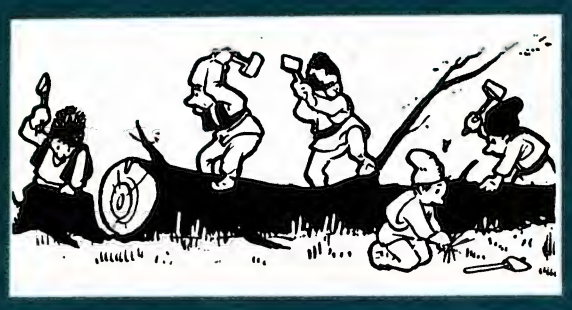
— Посмотрим.

Как и шесть лет назад, фильм был замечательный... Только... Мне надо посмотреть его еще раз. Говорят, прекрасный фильм.

РУМЫНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Где поет много петухов, там позднее светает.

- Бедняк и посуху тонет.
- Волк режет и считанных овец.



У поваленного дерева всяк торопится обрубить ветви.

- У кого нет долгов, тот достаточно богат.
- Черт, сколько живет, все не старится.

Ворону за соловья не продашь.

- Старый друг, как вино: чем старее, тем лучше.
- Чем выиграть у глупого, лучше проиграть умному.

Укушенный змеей боится и ящерицы.

- Глаза завистника видят и то, чего нет.
- Овца хромает, волк радуется.

Шелудивый конь всегда находит корявое дерево.

- Богач ошибается, а бедняк просит прощения.
- На устах — бог, а в душе — черт.

Рисунки Х. МАРТИ

Утро...

Фото А. КАУФМАНА

ХУНЕДОАРА РАСТЕТ

Фото «ДЕКОРАТИВА»

Не легко предположить, что географический облик той или иной местности может коренным образом измениться всего за один год.

А все-таки это именно так и случилось с Хунедоарой. Погуляйте по берегам Черны, разделяющей город надвое, и вы не найдете Хунедоары на прежнем месте.

Металлургическому комбинату понадобилось столько места, что Черны пришлось передвинуть

Художники-профессионалы? Нет, это металлурги, члены кружка изобразительных искусств, созданного при клубе комбината им. Георгиу-Деж.

← *Недавно пущен коксохимический завод.*

На стройке нового мартеновского цеха

примерно на километр. Там, где текла Черна, на площади в 30 га высится теперь остов цехов и подсобных корпусов большого прокатного комбината, строительство которого начато в 1956 году.

Кроме того, в Хунедоаре строится новый мартеновский цех и блюминг. В прошлом году построены многочисленные жилые дома для рабочих, культурно-бытовые объекты. Сданы в эксплуатацию две коксовые батареи мощностью 400 тысяч тонн и оборудованная по последнему слову техники доменная печь, выдавшая недавно свою девятисотую скоростную плавку.

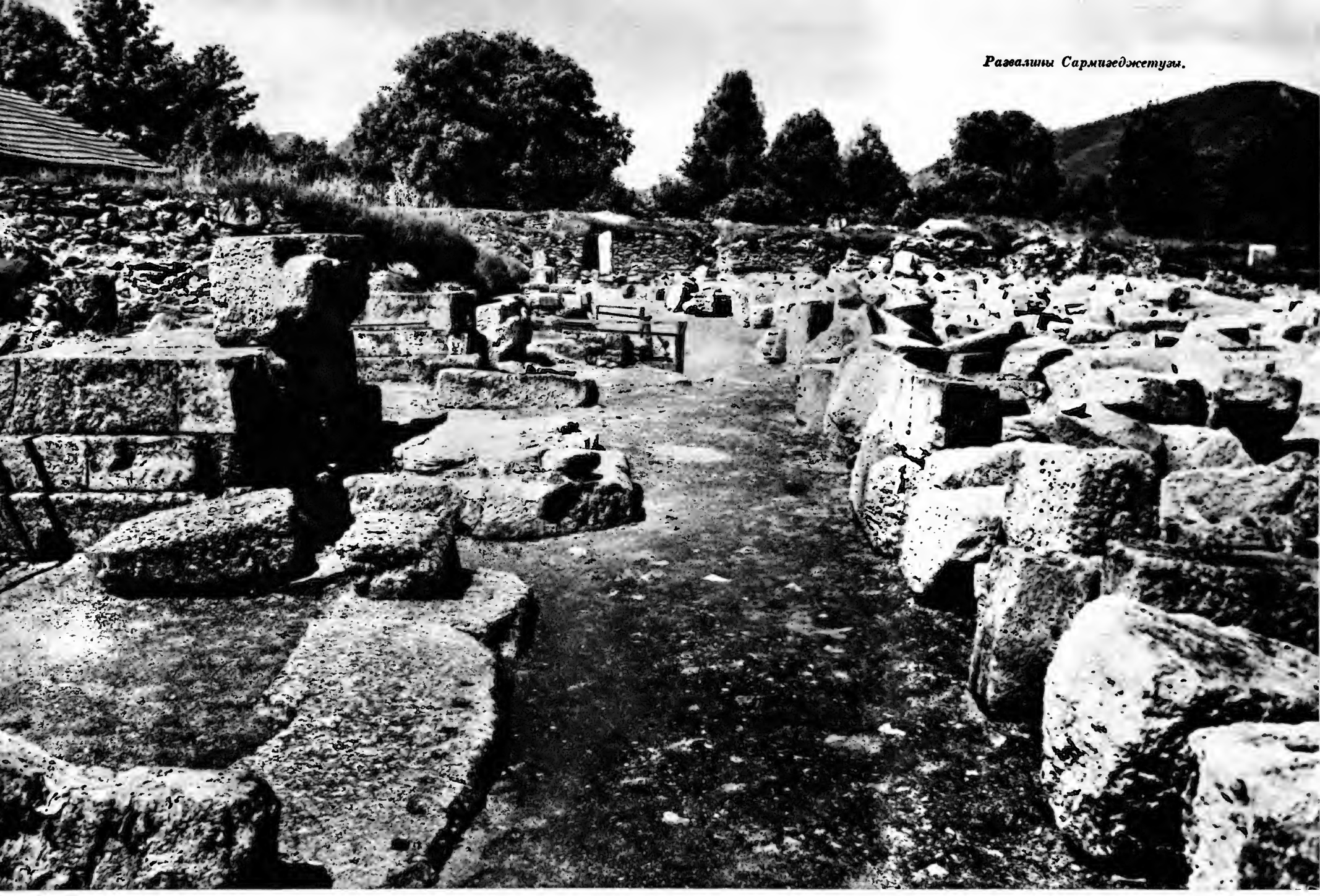
Такова сегодняшняя Хунедоара. А через два-три года... Через два-три года из главного цеха нового мартена будут выходить вагонетки, груженные стальными болванками, которые будут питать ненасытное чрево прокатного стана. Переходя из цеха в цех, подвергаясь почти сплошь автоматическим операциям, тяжелые стальные брусья будут превращаться в полуфабрикаты. За один день блюминг их выпустит столько, что из них можно сделать железнодорожный рельс длиной в 10 километров. А годовой продукции прокатного комбината хватит на постройку металлического каркаса 70 мартеновских цехов, вроде того, который строится сейчас.

Через два-три года придется, пожалуй, снова передвигать Черну. Неугомонные строители снова внесут поправки в географию края.

С. ПИГУ

В Хунедоаре вступила в строй новая домна.

Одно из лучших достижений Хунедоары — новый рабочий поселок.



Развалины Сармизеджетузы.

ПАМЯТНИКИ СТАРИНЫ

К. КИРИЦА

Бронзовая статуэтка Пана, обнаруженная во время раскопок.

Полтораста с лишним лет назад в городе Орэштие начали продаваться из-под полы странные золотые монеты, совершенно не похожие на деньги того времени. Загадка скоро разрешилась: в горах Градиштей откопали клад, монеты были оттуда.

Почти сто лет назад клужский учитель Теодореску задался целью исследовать место, где был обнаружен клад, и, предприняв раскопки в Костештах, наткнулся на развалины дакийской крепости. Предпринятые Теодореску работы продолжал другой клужский преподаватель, Ференци. Но неблагоприятные условия того времени не позволили им закончить начатое. Дело, которое они не смогли довести до конца, сделано сегодня. Во главе коллектива археологов ученик клужских энтузиастов, ныне академик Константин Дайкович, воспользовавшись наследием прошлого и оптимальными условиями, которые создал народно-демократический строй, провел на этих раскопках большую работу. Они неопровержимо доказали, что на крутых склонах Градиште Мунчелулуй находилась дакийская крепость Сармизеджетуса.

В СТОЛИЦЕ ДАКИИ

Обширные, из года в год ведущиеся здесь раскопки все время пополняют сведения об историческом прошлом нашей страны. Сооруженный в горах Грэдиште Мунчелулуй, этот укрепленный город был самой большой из всех дакийских крепостей. Надежные стены в 10 футов толщиной охватывали площадь почти в 3 гектара. В западной части стены — шириной почти в пять метров — ворота распахивались перед друзьями и наглухо замыкались перед врагом. Вокруг крепостных стен еще и сейчас видны остатки рва, надежного заграждения. Восточные ворота, такие же широкие, как западные, служили, казалось, больше для выхода из города. От этих ворот в долину спускается необычайно живописная пологая дорога, шагов в десять в ширину, замощенная большими каменными плитами.

Лучше всего сохранились внутри крепости следы римского владычества. Следы жизни когорты, следы разрушения. Римские солдаты оставили на камнях и стенах горделивые надписи. На обломках стены можно еще и теперь прочесть: «VI легион Флавия Феликс».

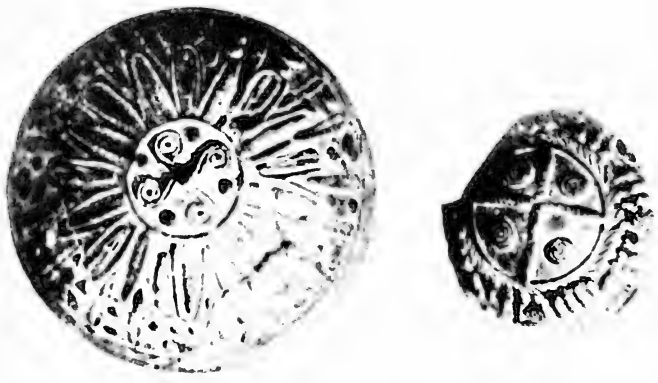
В ОДНОМ ЖИЛИЩЕ

Как-то вечером, на заходе солнца, мы очутились среди остатков круглого строения. Радиус его на земле равнялся пяти саженям. Вспомнилась Колонна Траяна. Римский ваятель правильно изобразил на ней дакийские жилища: наши далекие предки строили круглые каменные дома, иногда даже двухэтажные.

Этот круглый дом, сложенный из камня и кирпича и крытый красноватой черепицей, исходил на жилище славного Диеджиса, брата Децебала, недавно обнаруженное при раскопках. Мысль возвращается на тысячи лет назад... Хозяин дома еще не вернулся из Сармизеджетусы. Его ждут, занимаясь домашним хозяйством две дочери — Зудечитул и Айя. Айя — младшая — сильна и ловка, хорошо стреляет из лука и мечет копье не хуже любого мужчины. Зудечитул любит красивые платья и драгоценности. Ее длинная туника с широкими рукавами доходит почти до земли. На груди она вся в мелких сборках, схваченных большой серебряной пряжкой, серебро сверкает и на поясе. Поверх туники накинута легкая мантия без рукавов, которую девушка стягивает драгоценным поясом.

На почетном месте в жилище Диеджиса висит дедовское оружие — кривая сабля, которой в этих местах пользовались только даки. Рядом с ней — длинный, прямой меч, такой острый, что им можно перерезать травинку, кинжалы и ножи с драгоценными рукоятками, тяжелое острое копье, столь необходимое при нападении, дротик и много всякого другого оружия — луков, пращей, топоров. Но гордостью Диеджиса-воина был его золотой шлем, бронзовые латы с золотыми узорами и щит, сверкающий золотом и серебром. Тут же висела и железная кольчуга, и военное знамя — волчья голова с разинутой пастью на высоком шесте, издававшая, когда ее несли перед воинами, устрашающие звуки.

Шум шагов возвещает о возвращении Диеджиса. Он входит в дом в сопровождении семи славных мужей. Это — люди высокие, стройные, как тополи, широкоплечие и могучие, с длинными волосами



Дакийские подражания греческим сосудам, так называемые делийские сосуды, найденные в окрестностях Бухареста (1931—1933 гг.)

Диана Сармизеджетусская (позолоченная бронза).

цвета спелого каштана, с пышными бородами, в длинных тогах и дорогих мантиях — представители дакийских племен. Хозяин и пятеро гостей в узких шапках; это — знак их принадлежности к «тарабостес», в руках которых и власть, и богатства Дакии. Двое — с непокрытыми головами, но их смелый, независимый вид показывает, что это «коматы», — люди свободные, может быть, богатые купцы.

Дочери Диеджиса зажигают светильники. Вспыхивают множество огоньков. А вокруг стоит черная ночь, и в темном котле неба кипят звезды.

Нет, читатель, это не плоды моей фантазии. В дакийском доме приблизительно все так и было. Об этом рассказывают древние книги, надписи, грамоты, стены и камни.

Кроме этого богатого дома обнаружены и другие здания, более скромные, в которых жили свободные люди — люди с непокрытыми головами. Но больше всего, конечно, было бедных бревенчатых плетеных, глинобитных жилищ, в которых жили труженики богатой дакийской земли — рабы.

ДРЕВНИЕ ОРУДИЯ

Земледелие было, безусловно, основным занятием даков. Летописцев, сопровождавших Александра Македонского в его походах за Дунай, поражало количество пшеницы, которая была так высока и густа, что войско должно было раздвигать ее копьями. Доказательством развитого земледелия служат и сельскохозяйственные орудия тех времен, найденные во всех районах нашей страны. В Пироборидаве — на берегах Серета, в Сучидаве — на Дунае, в Сармизеджетусе и во многих других местах с замысловатыми, трудно запоминающимися названиями найдены в тайниках сотни земледельческих орудий, вероятно спрятанных или сложенных на хранение и сохранившихся там до наших дней. Эти орудия мало чем отличаются от нынешних: серпы, косы и мотыги точно такие же, как в любом крестьянском хозяйстве. Только

Алтарь, посвященный богу Наблисису.

лемехи у плуга были поменьше. Таким плугом легче было управлять, но работа шла медленней.

Здесь в Сармизеджетусе, на одном из горных склонов несколько лет назад было обнаружено строение, возбудившее любопытство наших ученых. Это была мастерская. Мастерство кузнецов, работавших здесь почти две тысячи лет назад, не уступало мастерству греческих или римских ремесленников, чья слава прогремела на весь мир. Подбором инструментов, их прочностью и качеством и сегодня мог бы гордиться любой мастер. В этой мастерской был найден кузнечный и плотничий инструмент, предметы домашнего обихода и самые разнообразные сельскохозяйственные орудия.

Дакийские мастера отлично изготовляли и боевое оружие, и украшения. Дакийские женщины, которые красотой своего наряда и драгоценностей удивляли всех, кто изучал сцены, изображенные на Колонне Траяна, особенно ценили украшения из золота и серебра, находившихся тогда в Дакии в изобилии. Недаром составители летописей того времени писали, что римский император Траян вывез из Дакии после войны пять миллионов литр *) золота и десять миллионов литр серебра. Такое богатство казалось неслыханным. Украденное Траяном у даков, оно на многие годы укрепило римскую империю и позволило Траяну оставить потомкам ряд славнейших памятников старины. Вместе с золотом римляне вывезли из Дакии драгоценные вазы, браслеты, пояса, золотое и серебряное оружие работы дакийских и чужеземных мастеров. По некоторым данным можно предполагать, что даки умели прекрасно чеканить монету. В старой

Зал совета во дворце Наместников (Сармизеджетусе).

Медальон, найденный в Сармизеджетусе.

Дакии обнаружено много мест, свидетельствующих об этом.

Из свыше 20.000 дакийских монет, найденных в нашей стране, многие из чистого серебра. Они были закопаны нашими предками в потаенных местах, и только случай и удача позволили обнаружить эти клады.

МЕСТНЫЕ СЛУЖИТЕЛИ ЭСКУЛАПА

В один дождливый день я видел там, наверху, в Сармизеджетусе, горсточку мелких предметов. Я держал их на ладони и рассматривал с чувством благоговения, как какие-то драгоценности. Это были крошечные ржавые весы, ланцет, две чашечки, миниатюрные клещи и какой-то черный непонятный комок. Все это — необычайно тонкой и изящной работы. На ладони человека XX века лежали медицинские инструменты бог весть какого древнего служителя Эскулапа, дакийского врача, боровшегося за человеческую жизнь две тысячи лет назад. Неизвестно, дакийского ли происхождения эти инструменты или иноземного, но в том, что наши предки умели с ними обращаться, сомневаться не приходится. В свете всех этих новых открытий становится понятным, почему 54 сорта лечебных трав до сих пор носят дакийские названия. Это тем более примечательно, что кроме названий городов и человеческих имен, это — единственные дакийские слова, сохранившиеся в нашем языке.

ХРАМЫ И СВЯТИЛИЩА

А теперь посмотрим, как выглядели храмы и святилища наших отдаленных предков.

Все эти строения сложены из прочного и красивого камня, привезенного за десятки километров из окрестностей Девы.

Самое своеобразное святилище — большое круглое капище. Его наружная стена состоит из ста четырех хорошо пригнанных друг к другу каменных плит. Внутренний круг — это ряд столбов, высеченных из того же прочного камня. Они удлиненной формы, но со срезанной верхушкой —

Надпись на камне в Сармизеджетусском форуме.

*) **Литра** — старая румынская мера веса = 0,418 г.

Надгробный памятник, обнаруженный в Сармизеджетусе.

доказательство осквернения храма римлянами. Столбы расставлены группами по шести, каждый седьмой столб ниже остальных. Всего таких групп 30. Очень возможно, что здесь мы имеем дело с родом календаря, где столбы означают дни и недели.

Внутри святилища находилась еще одна каменная круглая стена, от которой, к сожалению, остался только фундамент. Эта стена состояла в свое время из 68 толстых столбов, покрытых изразцовыми плитками, и имела четыре одинаковой величины парных пролета, вероятно, входа. Внутри этого второго круга есть еще один круг столбов в форме подковы, состоящий из 33 столбов, точно так же выложенных изразцами. В этом капище, вероятно, священнодействовал главный жрец. Так выглядело большое круглое святилище на холме Грэдиштей.

Но самое внушительное святилище с колоннами находилось на более высоком месте. Его опоясывала толстая стена из камня редкой породы, а с северной стороны сторожила высокая башня. Всего здесь десять рядов колонн, каждый ряд имеет шесть каменных подушек одинаковой величины. Если бы вы могли увидеть это святилище таким, каким оно было в свое время, с его мощными колоннами, с высокой стеной с восточной стороны и сторожевой башней на северной, вас бы поразило величие и красота древнего храма.

Может быть, именно в этой крепости, в один из дней того страшного года, когда Дакии грозило нашествие римлян, Децебал говорил народу о надвигающейся с запада грозе, о римском императоре Траяне, неумолимом, как боги, в своей неукротимой жажде могущества и славы. И, наверное, в одном из этих святилищ великий жрец Везина призывал народ закалить душу огнем веры, чтобы бесстрашно встретить грядущие беды.

Тяжелые времена наступили тогда для Дакии. Никто не считал, сколько ее сынов погибло, защищая родную землю и сколько было убито захватчиков. Римляне, великие мастера военного дела, победили в этой войне и завладели дакийскими крепостями. Король Децебал и его приближенные предпочли унижению смерть и покончили с собой, может быть, в тот момент, когда первые римские солдаты входили в город.

Так окончилось царствование славного Децебала, и перестало существовать независимое дакийское государство. Его города были снесены с лица земли, крепости сожжены, а храмы осквернены.

В НАШИ ДНИ

Две тысячи лет прошло с тех пор, как даки возвели твердыню своей власти в горах Грэдиште. Всякого, кто побывал в этих богатых историческими памятниками местах, поражает их дикая красота и становится понятен выбор даков, потому что за два тысячелетия природа мало в чем изменилась.

От Орэштии и до Костешть тянется широкая гостеприимная долина — Валя Оашулуй, в которой села насажены так близко, что почти соприкасаются одно с другим. Богатая зерном, удобная для скотоводства, она словно дышит изобилием. После Костешть высящиеся на горизонте скалистые холмы вплотную обступают долину, ломают и давят ее со всех сторон, грозят острыми кряжами. Отсюда долина называется иначе — Долиной Грэдиштей, по имени протекающей здесь, стиснутой между скалами реки. Пейзаж суров и, чем выше по течению, тем грознее. Наконец, мы попадаем в Валя Алба — Белую долину. Здесь Грэдиштя сливается с водами другой реки — Валя Алба. Эти реки, как раздвоенный язык змеи, окружают холм Грэдиште, образуя естественную преграду на пути смельчака, который пожелал бы пойти на приступ кручи. Миновав Грэдиште, обе реки снова становятся узкими речушками, над которыми суровые горы выставляют в небо каменные горбы.

Это первое, что бросается в глаза. Но присмотревшись, путешественник увидит и кипящую всюду жизнь. На обрывистых склонах, одетых тонким слоем земли, на гребнях холмов, на крутых склонах, куда, казалось бы, невозможно взобраться, иногда под самыми стенами дакийских крепостей, люди построили себе дома, обрабатывают землю, борются с неласковой природой. На клочках земли возделывается кукуруза, картофель, плодовые деревья. А выше к Сармизеджетусе, где холмы одеты бескрайными буковыми и еловыми лесами, люди открыли лесоразработки. Узкоколейка нарушила вековую тишину этих мест, и каждый день по ней курсируют железнодорожные составы, груженные хлыстами и бревнами. Еще выше — лотки, плотины, бараки — суровая жизнь лесорубов.

Наш народ вторично завоевывает дикие вершины гор Орэштией. Их богатства теперь идут на то, чтобы делать жизнь богаче и краше. Продвигая в эти горы культуру и цивилизацию, борясь за индустриализацию края, народ бережно хранит другое великое его богатство — памятники старины, рассказывающие о жизни свободолюбивой Дакии.

Бюст Децебала (Ватиканский музей).

Римский амфитеатр в Сармизеджетусе.

ИСКУССТВО

Сумка в национальных узорах. — *Кооператив Тисмана (Крайовская область)*

Ваза для цветов (керамика). *Кооператив «Народное искусство» в Бухаресте.*

КУСТАРЕЙ

Деревянный сосуд. *Кооператив «Дерево-обделочного искусства» в Бухаресте.*

Тарелки. *Кооператив «Народного искусства» в Бухаресте.*

Изделья текстильного кооператива Муреш (Венгерская Автономная Область)

Нашу замечательную кустарную промышленность питает та же могучая струя народного творчества, которая питала и народную сказку, любовную песню, балладу. Все, что характеризует собранное нашим крестьянином — сила воображения, богатство деталей, изящество, все художественные традиции быта, давшие такие прекрасные вещи домашнего обихода, все перенято в наше время рядом кооперативов, специализирующихся на народном искусстве. В Тисмане и Тыргу Муреше, в Бухаресте и Клуже прежде безвестные народные мастера объединяются в кооперативы и завоевывают широкое признание.

Какие прекрасные вещи выходят из их рук! Откуда это бесконечное разнообразие горячих красок, глухих и ярких тонов? Откуда изящество и благородство женского костюма, чудесное сплетение узоров на вазах и кувшинах? Это проявление того же бессмерт-

Деревянная ваза в выжженных узорах. *Кооператив «Народного искусства» в Бухаресте*

Бомбоньерка (керамика). *Кооператив «Народного искусства» в Тыргу Муреше.*

Кожаная сумочка. *Кооператив «Народного искусства» в Бухаресте.*

ного гения народа, нашедшего свое воплощение в труде объединенных кооперацией кустарей. Они, можно сказать, вдохновенно • используют все, что есть ценного в румынской мифологиии, в сказке. Вот «Коза с тремя козлятами» — произведение одного из клужских ковроделов. Все здесь достойно внимания: и живописность пейзажа и своеобразие фигур, и вся атмосфера, присущая басне и сказке.

Мастера кооперативов делают большое дело: собирают, восстанавливают и сохраняют те разрозненные крупицы сокровищ народного творчества, которые без них могли затеряться. Их работа похожа на труд переводчиков гениальных творений: они должны впитать в себя всю правду и всю красоту шедевра, проникнуться им вполне, потому что иначе им не передать его высокого звучания.

Фото И. ХАНАНЕЛА
и Д. ГОРУНА

Национальный костюм. *Союз промысловых кооперативов Питешть.*

Сюжетный ковер. — *Коза с тремя козлятами* — по сказке Иона Крянги. Кооператив «Народного искусства» Клуж.

Настольная лампа на сказочную тему. *Кооператив «Деревообделочного искусства» в Бухаресте.*

Наш КРЯНГА

МИХАИЛ САДОВЯНУ

Ион Крянга родился в горном селе Хумулешть, на севере Молдовы в 1835 [1]) году. Семья его — трансильванского происхождения, во всяком случае, по материнской линии. Смаранда Крянга была женщиной умной, кипучей. Она положила все свои силы на то, чтобы отдать в учение своего Иона, который, по ее мнению, остротой ума походил на нее. Несмотря на сопротивление мужа, это ей удалось. Ион Крянга обучался грамоте в селе Хумулешть, перешел в господарскую школу в Тыргу Нямц, а потом учился у Нану в Броштень. Отсюда мать послала его в Фэлтиченскую школу, где готовили преподавателей закона божьего, а в 1855 году он стал стипендиатом духовной семинарии в Соколе [2]). Рукоположенный в дьяконы, Крянга посещал в Яссах учительские курсы.

Родители его умерли, не дожив до огорчений, которые готовило им поведение любимого чада. Ибо он женился, кочевал бедным дьяконом из церкви в церковь, не в ладах с женой-поповной, никем не замеченный, занимаясь одно время и политикой в рядах фракции либеральной партии и ничего на этом не выгадав, а в конце концов бросил жену и оставил дьяконство. Первую — по собственному желанию, второе — по настоянию других.

Крянгу лишили духовного сана, не потому что он расстался с Иляной Григориу, супругой, отравлявшей ему существование, а потому что он предавался беззаконным дѣяниям: стриг бороду, ходил в шляпе и в штатском платье, осмеливался стрелять ворон на башнях монастыря Голия и, главное, имел бесстыдство ходить на спектакли Национального театра.

Для писателя началось трудное существование. «Таким бедным, как в этом году, в прошлом и с тех пор, как я существую на свете, никогда не был», — пишет он в своих «Воспоминаниях».

О жизни Крянги в то время можно судить по его лачуге в Цикэу [3]), в которой он прожил немало горьких лет. Лачуга эта стала музеем.

Убогий, жалкий музей на краю оврага. Буря или поток воды легко снесут его, смешав с отбросами соседней окраины. Удивительно, как устояло это ветхое строение, в которой на время быстротечной жизни приютился гениальный сын крестьян из горного села. Низкая полубревенчатая, полуглинобитная лачуга крыта дранкой. Облупленные стены, дерево, изъеденное червоточиной и гнилью. Что-то среднее между землянкой и домом.

Лачуга на улице Цикэу № 4 была не только нищим жильем на убогой городской окраине, но и местом изгнания. Жизнь загнала сюда Крянгу, потому что он был человеком, вкусившим книжной мудрости. Мать его, Смаранда, в своей любви к сыну, готовила ему другую участь, лучше, чем горькая доля крестьян, которые жили в большой скудости. Она мечтала для своего Ионики о легкой городской жизни. А вышло, что Крянга навсегда оторвался от среды своих отцов и дедов и так же окончательно потерял возможность в нее вернуться. Жизнь его не была связана ни с жизнью богатой ясской буржуазии, ни с жизнью культурной общественности, представленной хотя бы, скажем, обществом «Жунимя» [1]). Крянга, как и указывал, чувствовал себя чужим среди сотрудников «Конворбирь литераре» [2]). Он им нравился, но его не считали равным. Вынужденный влачить жалкое существование в мире ограниченном, мелком и погрязшем в насущных заботах, автор «Воспоминаний» находился в ложном положении и по отношению к своим коллегам и сотрудникам по составлению учебных пособий. Памятным остался его буквально мученический труд по составлению маленьких рассказов для чтения: «Игла и обух», «Лен и рубашка», «Медведь, обманутый лисой». Он писал, переделывал, рвал, опять писал и опять переделывал, перечитывал, чтобы слышать звучание слов, заставлял читать себе вслух, чтобы слышать лучше; а господа коллеги писателя и в ус не дули: им это было так же легко, как выкурить две папиросы между двумя полштофами вина.

Это место изгнания, лачугу на улице Цикэу №4, озарило только появление Михаила Эминеску. Поэт был для Крянги опорой в его литературном творчестве: он приносил с собой понимание, ободрение. Но его присутствие здесь было кратковременным. Крянга слал в Бухарест сердечные, теплые письма и все время звал его; лишенный дружбы поэта, он чувствовал себя еще беднее. Эминеску тоже был отщепенцем, без определенного общественного положения. Человек гораздо более культурный, более сложной духовной структуры, он особенно хорошо чувствовал себя в обществе Крянги — замечательного рассказчика — либо в его лачуге, либо за городом, в живописных окрестностях столицы Молдовы. Страшный недуг, ускоривший кончину поэта, сблизил их еще больше. Эминеску умер летом, Крянга — в последний день того же 1889 года.

В январе 1910 года по случаю двадцатипятилетия со дня его смерти в Хумулештах было устроено поминовение Крянги. Присутствовал и я в качестве инспектора культурных кружков. Приехало несколько человек из Ясс, несколько учителей соседних сел. Это была дань уважения горстки интеллигенции. Из любопытства пришли хумулештские крестьяне. С некоторыми я беседовал. Они не могли понять, почему столько чужих людей собралось поминать человека, ушедшего из их села и даже здесь не похороненного, прославившегося тем, что его с позором лишили духовного сана.

Я был тогда молод и довольно наивен. Уверенный, что я могу восстановить добрую славу замечательного представителя нашей многострадальной нищущей братии, я взял слово в церкви после обедни и развил тему: «Нет пророка в своем отечестве». Говорил я с энтузиазмом и старался разъяснить, что Ион Крянга из Хумулешть был избранным среди избранных. Теперь я вполне уверен, что не убедил никого из тех, кого надлежало, хотя бабы и вздыхали, приложив пальцы к губам, и вытирали слезу. Потом они поели кутьи и забыли о божьем избраннике.

Крянга вдохнул в свои «Воспоминания» и «Сказки» яркую силу жизни, прочно утвердив их во времени и пространстве, создав типы, которые двигаются и говорят каждый соответственно своему характеру. Он употреблял для этого не только простые и изящные средства выражения, но и накопленное народом веками, несравненное богатство пословиц высокой поэтической красоты. Вдобавок удовольствие читателя увеличивает общая атмосфера его произведений — дух бодрости и веселья.

«Воспоминания» и «Сказки» Крянги — это живой народный язык, доведенный до высокого художественного совершенства. Чем лучше подготовлен читатель, тем понятнее ему музыка этого языка и тем острее его восприятие. Как и Эминеску, Крянга един и целен, но в читателях своих многообразен. Каждый находит в «Воспоминаниях» и «Сказках» свое, новое, струну, звучащую в лад с собственной душей. Да ведь в этом, собственно, и состоит преимущество истинного искусства.

То, что хумулештские жители бессознательно были несправедливы к своему гениальному односельчанину, понятно и естественно; менее понятным и естественным кажется мне отношение тех, кто провозглашает с кафедры, что место Крянги между Антоном Панном и «Тилем Уленшпигелем». Я не намерен умалять значение ни Антона Панна, ни автора «Уленшпигеля», но тут другое. Речь идет о разных, несравнимых величинах.

Крянга перерос народных сказителей, как бы мастерски они ни пересказывали сказки. «Коза с тремя козлятами», «Данила Препеляк», «Стан — бывалый человек» — сказки только по сюжету, встречающемуся и у других народов. Крянга делает их румынскими не только потому, что они написаны на румынском языке и богаты типическими подробностями; он вдыхает в них дух творчества, который дает жизнь пейзажу, человеку и животным, делает неповторимыми поступки и речь, создает незабываемые моменты и драматические сцены. По существу, некоторые сказки Крянги — самые оригинальные из когда-либо написанных у нас.

Примечательно и то, что ничего похожего нет ни в какой другой литературе. Появившись на нашем горизонте уже после возникновения нашей литературы, чуждый подражательным влияниям времени, в период, когда народ сохранял еще свое устное творчество, Крянга принес с собой свежесть художественного духа народа, то есть песни и поговорки, показал их во всем богатстве и оставил трепещущими жизнью в наследие эпохам, когда книга и газета уменьшают непосредственность и заставляют блекнуть память безвестного поэта. Так мы смогли сохранить в нашей письменной литературе древнюю душу народа.

В Крянге есть и другое. Если наши крестьяне и не говорят и не могут так говорить между собой, как они делают это на страницах его книг, не подлежит сомнению, что и в «Сказках» и в «Воспоминаниях» нам дана тончайшая сущность нашей народной речи, нечто вроде явления во плоти и крови гения нашего языка. В этом языке, в котором поют мука и радость поколений, сверкают, как в сокровищнице, накопленные веками метафоры, Крянга раскрыл величайшее богатство нашего народа, способность чувствовать, его душевную тонкость и юмор.

Несмотря на все роковые заблуждения вчерашних правителей, несмотря на темноту, в которой его держали, в лице Крянги народ все-таки создал документ, свидетельствующий перед лицом мира о незыблемости его прав. И с полным сознанием веса каждого слова, учитывая значение искусства, мы вправе сказать, что Крянга и Эминеску — посланцы в будущую культуру новой эры человечества.

Темпера Е. ИСПИРА

[1]) Годом рождения И. Крянги считается 1837 год. Утверждение М. Садовяну основано на фотографии, находящейся в библиотеке Академии РНР, с собственноручной надписью Крянги: «Снят 19 декабря 1877 года в возрасте 42 лет».
[2]) Район Ясс.
[3]) Окраинный район Ясс.

[1]) Литературное общество, возглавляемое критиком-идеалистом Титу Майореску.
[2]) «Конворбирь литераре» (Литературные беседы) — литературный журнал «Жунимя».

Дом Иона Крянги в Цикэу.

В этой речке в детстве купался Ионика (Крянга).

СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ В ШУТКАХ ИОНА КРЯНГИ

Кто-то, давно, дал мне совет: «Сделай Крянгу своей настольной книгой. На какой бы странице ты ее ни раскрыл, ты и вздохнешь и улыбнешься». Я последовал доброму совету — иногда это случается — и отчеркнул карандашом много пассажей, доставивших мне немало радостей. Приведу здесь те, которые можно объединить под общим заглавием «Смех сквозь слезы». Ведь это и есть самое характерное для Крянги: улыбка и горечь одновременно.

Приглашают к обеду: «*Коли вам там нечего есть, пожалуйте к нам, попостимся вместе*».

Любовное:

— *Любы тебе девушки?*

— *Любы.*

— *А ты им?*

— *И они мне любы.*

Вежливый отзыв о дураке: «*Ходил, набирал мудрости да не имел во что ее складывать!*»

О старости, встреченной с улыбкой: «*И-и, батюшка, велика милость господня; забирает он на старости и зренье, и силу, и слух да не оставляет в обиде: дает взамен кашель здоровый иль ломоту в пояснице*».

★

Несколько лет кряду Крянгу волновала политика. Он принимал участие во всех собраниях, кто бы их ни организовывал, и чувствовал себя обязанным во всеуслышание сказать, что он думает о демагогии выборов.

«*Был, господа, на свете сапожник, который забыл завязать узелок на нитке и шил, шил без всякого толку. Так и вы. Говорите и не понимаете, что говорите*».

И так как обычно пустомели кончали осанной господарю, Крянга однажды не выдержал: «*Скажи уж ты, поскорее: «Да здравствует!» да отпусти душу на покаяние: лопнуть можно от жары и жажды*».

Пластически выразился он о политике:

«*Не дадим власти волкам, которые перережут все стадо*».

А вот его «программа»: «*Люди добрые, было бы не плохо, если бы в этой стране было хорошо*».

Крянга давал несколькими штрихами исчерпывающие характеристики. Скупой боярин, который не хочет отплатить за сделанное ему добро, говорит: «*Остался бы, стал бы мне братом, а не останешься — вдвойне мил будешь*».

А вот рассуждение о том, что не стоит жалеть о пустяках.

«*Ну и что, невелик убыток! Как говорят: баба с воза, кобыле легче*».

★

Иногда Крянга читал свои сказки в «Жуниме» и чувствовал себя не в своей тарелке среди помещиков — членов этого литературного кружка, руководимого Титу Майореску. Один из них, Пану, однажды обвинил Крянгу в том, в чем он уж никак не повинен. «Я убедился, что господин Крянга слово в слово пересказал много раз слышанную мною сказку». Вот что ответил Крянга:

«*У вас, господин Пану, очевидно, очень хорошая память. Вы, пожалуй, знаете наизусть и «Отче наш». Я — простой мужик и потому говорю: нет у меня такой памяти, чтобы слово в слово пересказать сказку. Словечко, поди, я от себя да вставил*».

В «Жунимю» привел его Эминеску. Может, чтобы избавить от одиночества. Их литературная дружба, долгие беседы в лачуге на улице Цикэу и то, что они шепотом обменивались впечатлениями тут же, на собраниях кружка, были непонятны в «Жуниме».

— О чем ты разговариваешь с Крянгой? — спросил тот из них, для кого народная литература Крянги была «лэтрэтурой» (от лэтра — лаять). Эминеску не стал объяснять — тот все равно не понял бы; он ответил с едва скрытым презрением: «Говорим и мы о том, что взбредет на ум».

То, что им «взбрело на ум» сегодня составляет гордость нашей литературы

СЕРДЖИУ МИЛОРИАН

Темпера Е. ИСПИРА

---

1. *Броштены: Камень Крянги.*

2. *Пригород Пометя. В глубине город Тыргу Нямц и село Хумулешть.*

ДАНИЛА ПРЕПЕЛЯК

ИОН КРЯНГА

Жили в одном селе два брата, и оба были женаты. Старший был хороший работник, хозяин и с достатком, и что бы он ни начинал, ему бог помогал; но детей у него не было. Младший был беден: погонится бывало за счастьем, а оно от него бежит, не дается, потому что он был ленив, простоват и в делах необоротист, да к тому же многодетен. Баба у него была работящая, жалостливая, а у богатого — сварливая да скупая, не приведи бог. Знаете поговорку: «У всякого вола своя тягота». У неимущего брата — (хоть бы он и грехов не имел!) — была пара волов, да еще каких: сивые, молодые, рослые, востророгие, оба белохвостые, звездолобые, широкогрудые, гладкие — словом, волы хоть куда, — и для езды и для работы. Зато сохи, бороны, двуколки, саней, телеги, дышла добавочного, шкворня к нему, косы, вил, граблей и прочего потребного в хозяйстве у этого простака не было. Понадобится ему что-нибудь, он к соседям занимать идет, а в особенности досаждал брату, у которого все это, разумеется, было. Баба старшего частенько мужа допекала, чтобы он меньшого раз навсегда отвадил.

— Хоть он тебе и брат, — говаривала она, — а уж больно на чужое хват

— Что поделаешь, жена, своя кровь. Ежели не я, кто ему поможет?

Приходилось молчать да терпеть. Хуже всего было с телегой. Трех дней, бывало, не пройдет без того, чтобы в ворота не постучался Данила — так звали незадачливого брата — и не попросил телеги: то дров из леса привезти, то муки с мельницы, то копны с поля, то еще чего-нибудь.

— Слушай, брат, — сказал ему раз старший, — мне это надоело... Волы у тебя есть, чего телегой не обзаведешься? Мою, почитай, в конец разбил... Шутка сказать: то туда, то сюда — вот телега-то и портится. Знаешь пословицу: «Отдавай поп шпоры да кобылу каблуками погоняй».

— Так-то оно так, — сказал младший, почесывая в затылке, — а как же быть?

— Как быть? Я тебя научу: волы у тебя красавцы, рослые — сведи их на ярмарку да продай, а заместо них других купишь, поменьше да подешевле. Деньги у тебя останутся — вот ты себе телегу и справишь, хозяином станешь.

— Это ты меня хорошо научил, — согласился младший, — так и сделаю.

Пошел Данила к себе, взял волов и повел на веревке в город продавать. Но, как уже сказано, мужик он был незадачливый, и все у него не как у людей выходило, а шиворот-навыворот. Город был далеко, ярмарка на исходе. Но разве что-нибудь на свете могло остановить Данилу Препеляка? А Препеляком звали его потому, что всего богатства у него на дворе только и было, что собственноручно водруженный им шест[1], на котором бабы горшки сушат.

---

[1] По-румынски — препеляк. — Прим. ред.

Нахлобучил шапку: мне, мол, все трын-трава.

До Маркела
Нет мне дела,
До Ивана
И подавно!

Только стал он со своим Думаном и Талашманом на изволок подниматься, встречается ему человек с новой телегой — в городе видно купил, — а волов у человека нету, сам телегу везет: под гору держит, в гору толкает.

— Эй, дружище! — окликнул его Данила, еле сдерживая своих волов, которые завидели у дороги сочную муравку и ну за веревку тянуть. — Постой малость, поговорить надо.

— Я бы постоял, да телега не стоит, — отвечает встречный. — Ты насчет чего?

— Телега у тебя словно сама идет.

— Сама и идет, не видишь?

— Знаешь что?

— Скажешь — узнаю.

— Давай меняться: ты мне телегу, а я тебе волов. Надоели они мне: то им сена задай, то их в хлев загони, то смотри, как бы их волки не съели — мало ли хлопот... А с телегой мне сподручнее, особенно ежели она сама ходит.

— Ты это взаправду или шутишь?

— Какие там шутки!

— Ты, я вижу, малый не промах... — говорит встречный. — Твое счастье, что я нынче веселый. Так и быть — по рукам! Забирай телегу, а мне волов давай, в добрый час!

Отдал встречный телегу, забрал волов да, недолго думавши, и свернул с ними в лес.

«Ну, — думает Данила, — здорово я его нагрел... лишь бы не раздумал, хотя, кажись, не цыган, чтобы на попятную идти».

Взялся за телегу и тащит домой, под изволок.

— Стой, телега, тпру! — кричит. — Вот нагружу тебя как следует мешками с мельницы или сеном с покоса, тогда и поезжай, а теперь полегче!

Держал, держал, чуть не упустил.

Спустился Данила в лощинку, оттуда дорога в гору пошла; ему бы дальше ехать, да не тут-то было... — попробуй поезжай! Налег Данила — то вправо возьмет, то влево, а телега, знай, обратно катится.

«Вот-те, — думает, — и самоходная!»

Трудился, тужился, наконец, повернул телегу, поставил поперек дороги, сел на дышло и призадумался.

«Эх, — думает, — угораздило меня! Хоть и и Данила Препеляк, а волов загубил. Зато телегу справил... Спрашивается: Препеляк я или нет?»

Видит — какой-то человек идет, козу в город продавать ведет.

— Эй, друг сердечный, — говорит Данила, — ты мне козу за телегу не отдашь?

— Да ведь коза-то у меня дойная, не попрыгунья какая-нибудь!

— Дойная, недойная — чего там еще: бери телегу, давай козу.

Встречный перечить не стал, отдал козу, потом дождался попутного воза, привязал телегу к задку и уехал, а Данила, разиня рот, на дороге остался.

«Ладно, — думает, — здорово я его провел...»

Взял козу и пошел в город. А коза, известное дело: во все стороны тянет, крутится, просто одна беда. Надоела она Даниле.

«Скорей бы, — думает, — до города дойти — от этой напасти избавиться.»

Шел он шел — опять встречается ему человек, из города гуся несет.

— Здравствуй, — говорит Данила.

— Здорово! — отвечает встречный.

— Давай меняться: я тебе козу, а ты мне гусыню.

— Вот и не угадал: не гусыня это, а целый гусак, я его на племя купил.

— Нечего там, давай его сюда, коза-то у меня тоже племенная, а не какая-нибудь...

— Накинешь, променяю, а нет, так моим гусыням радость будет: он им покажет.

Торговались, торговались, то один уступит, то другой накинет — сбыл-таки Данила козу с рук, взял гуся в охапку и пошел дальше. Пришел на ярмарку, а гусак, по которому гусыни скучали, во всю глотку как загогочет: га, га, га!

«Час от часу не легче — оглушил окаянный! Погоди, — думает, — сейчас я тебя сосватаю».

А тут рядом в лавке как раз кошели продавались. Взял Данила да и обменял гуся на кошель — с донышком да с длинными тесемками, что на шее носят. Помял его, покрутил в руках и говорит:

— Ну и наделал же я делов! Была пара волов — посмотреть любо-дорого, — а остался пустой кошель. Эх, горе-горюшко! И ведь не впервой мне как будто на ярмарку ходить, да знать, меня лукавый попутал.

Попатался он по ярмарке, поглазел на людей и пошел домой с пустым кошелем. Как воротился, так сейчас к брату — порадовать захотел.

— Здорово, брат, как бог милует?

— Здравствуй, Данила, долго же ты на ярмарке путался!

— Да уж так — идучи спешил, а обратно с прохладцей шел.

— Ну, как в городе управился?

— Не очень-то ладно! Без волов воротился, плакали мои голубчики!

— Волки, что ли, их съели иль лихие люди увели?

— Сам своими руками отдал.

Рассказал он брату все как было, где и что с ним случилось, и под конец говорит:

— Да о чем зря толковать — дело немудреное: была пара волов, а остался кошель, да и тот пустой

— Ну, братец, ты, я вижу, и впрямь просак.

— Верно, брат, был грех, зато с нынешнего дня и я поумнел... Да что толку?

Сметка есть —
Торговать нечем.
Брынза есть —
Держать не в чем.

Возьми себе кошель, мне он все равно без надобности. А у меня к тебе просьбишка будет: одолжи Христа ради, телегу с волами, ей-ей, в последний раз, дров из леса привезти, у жены с детками печь с каких пор нетоплена. А там, что бог даст, — и тебе докучать больше не стану.

— Эх, ты садовая голова! — сказал старший, выслушав Данилу. — Бог-то, видно без разбору землю заселил, вот дураки и развелись... Уж так и быть, дам, но чур — в последний раз.

А Даниле только того и надо. Взял телегу с волами и поехал. Доехал до леса, выбрал дерево, какое потолще, и давай рубить, а телегу, не выпрягши волов, рядом поставил — чтобы значит, прямо в нее и валить. Словом распорядился по-свойски, по-даниловски... Рубил, рубил, дерево как рухнет, да прямо на телегу: волов задавило, а от телеги одни щепки остались.

«Вот и брату удружил! — думает Препеляк. — Как тут быть? Не пропадать же мне: заварил кашу, Данила, теперь и расхлебывай! Пойду попробую брата уговорить, авось кобылу одолжит. Уеду куда глаза глядят, а жену с детьми на божье попеченье оставлю».

Сказано-сделано. Пошел он лесом да и заблудился. Плутал, плутал да вместо дороги на болото вышел, а в болоте лысухи плавают.

Размахнулся Данила да как запустит в них топором. «Дай, — думает, — хоть одну убью, брату в подарок снесу». Лысухи, однако, не будь просты, снялись и улетели, топор потонул, а Данила, разиня рот, на берегу остался

«Эх, — думает, — не везет мне нынче! Такой уж, знать, денек выдался! Видно, опять меня нечистый попутал.»

Повел Данила плечами и пошел. Шел, шел, еле из лесу выбрался, попал на дорогу и скорей к брату. Пришел и давай такую околесицу нести, что дурак и тот не поверил бы.

— Удружи, — говорит, — брат, дай кобылу в лес съездить. Дождь был, так дорогу развезло, что пешком не пройдешь, а верхом-то я волов сразу выведу.

— Эх, — говорит старший, — видно, тебе только монахом и быть, а не в миру жить, людей морочить да жену с детьми голодом морить. Сгинь с моих глаз! Проваливай к чертовой бабушке, чтоб духу твоего здесь не было!

А насчет кобылы молчок... Но ничего — знает Данила, что ему делать: в лес съездить — с быками проститься да на телегу разбитую посмотреть. Вышел из хаты, отвязал кобылу, топор братнин захватил и был таков. Хватился брат, — а кобылы и след простыл!

Данила же в это время добрался до болота и ну искать затонувший топор. Тут-то и пришло ему в голову, что брат, пожалуй, был прав — пойти бы ему в монахи.

— Вот, — говорит, — построю на этой самой полянке скиток да такой, что по всему свету о нем слава пойдет.

Сказано-сделано... Перво-наперво вырубил крест и в землю вбил — место отметить. Потом пошел в лес и принялся деревья подходящие выбирать. Какие на столбы годятся, какие на стропила, какие на венец, какие на сруб, какие на плахи под гребень, какие на звоницу. Ходит он по лесу, сам с собой разговаривает, — вдруг видит: вылезает ему навстречу из болота черт.

— Ты что тут строить собрался? — спрашивает.

— А сам не видишь? — отвечает Препеляк.

— Стой, парень, дурака не валяй. И болото, и место это, и лес — все наше.

— Ты, может, скажешь, что и лысухи в болоте ваши, и топор, который на дне лежит, тоже ваш. Погоди, научу я вас, рогатых, как чужим добром владеть!

Черт, види, что с ним ничего не поделаешь, шасть обратно в болото и прямо к Сатане — жаловаться на божьего человека, который всех чертей упрямей. Как быть чертям? Собрались на совет; и самый ихний главный начальник Сатана решил послать скитнику Даниле с одним из подручных бесов буйволиный бурдюк с червонцами, чтобы от него откупиться.

— На тебе деньги, — сказал подручный бес. — И проваливай отсюда подобру-поздорову, а то тебе не сдобровать!

Посмотрел Данила на крест, посмотрел на черта с деньгами, пожал плечами и говорит:

— Счастье ваше, нечистая сила, что деньги мне дороже иночества, а то бы показал я вам, где раки зимуют.

— Ты с Сатаной лучше ссоры не заводи, — отвечает бес, — а бери деньги и ступай откуда пришел.

Оставил бес весь бурдюк на берегу, а сам в болото воротился, где его ждал Сатана, сильно горевавший о потере такой уймы червонцев, на которые можно было купить немало человеческих душ. Препеляк между тем соображал, как ему эти деньги до дому доставить.

«Да, — думал он, — деньги немалые, на дороге их не найдешь. Скиты закладывать — дело, видно, доходное: вспохопатся бесы, откупаться станут, вот разом и разбогатеешь...»

Пока он сидел да раздумывал, как с деньгами быть, вылез из болота другой черт, подошел к Даниле и говорит:

— Эй ты, мой хозяин раздумал: хочет, чтобы мы с тобой сначала силами померялись, а деньги он потом уже, ежели придется, отдаст.

— Ну, брат, держись, — вздохнул Данила. — Правду говорят, что богатый бедного смекалистей: вот теперь Данила и поумнел.

— Силами меряться? — говорит. — Как это?

— А вот как: перво-наперво, кто из нас твою кобылу на своем горбу, не передохнувши, три раза вокруг болота обнесет, тот и деньги возьмет.

Сказано-сделано: взвалил черт кобылу на спину и мигом болото три раза обежал. Увидел Данила, какая у черта силища, покрутил носом, но делать нечего — не отступается.

— Эй, — говорит, — Михрютка, я думал ты здоровей. На горбу-то всякий кобылицу снесет, а вот я ее меж ног возьму да снесу.

Вскочил на кобылу и болото три раза без остановки объехал. Подивился черт, но делать нечего — пришлось другую штуку выдумывать.

— Теперь, — говорит, — давай попробуем, кто быстрей бегает.

— Эх ты, Михрютка! Нашел с кем тягаться!

— А с кем же?

— Поди сюда, покажу.

Вышли они вместе в поле, и видит Данила — в кукурузе заяц залег.

— Видишь, там кто-то махонький притулился — спит, верно?

— Вижу.

— Это сынок мой меньшой. Приготовься, мы сейчас его подымем, вот ты за ним и беги.

Как крикнет: «Ату его!» — заяц пустился вприпрыжку, а черт за ним. Бежали, бежали, пока черт косого не упустил — отстал. До сих пор все над Препеляком смеялись, а теперь и Даниле пришел черед над чертом посмеяться. А пока он стоял да, держась за живот, потешался над бесовой глупостью, воротился и сам бегун.

— Ну и проворный же у тебя, — говорит, — парнишка. Я уж было совсем его словил да не знаю, как след потерял, а он и ушел.

— Весь в отца пострел, — сказал Данила. — Ну, хочешь теперь со мной тягаться, кто кого обгонит?

— Да нет уж, брось. Давай лучше поборемся.

— Поборемся? Видно тебе свет опостылел. Я-то еще от стариков слыхал, что черти хитрые, а такого дурака, как ты, в целом свете не сыщешь. Слушай: есть у меня дядька, старый-престарый, от роду ему девяносто девять лет да пятьдесят две недели. Положишь его на лопатки, тогда и со мной счастья попытай; только навряд ли, куда тебе!

Махнул Данила черту рукой, чтобы за ним шел, и зашагал в лес. А в самой чащобе под скалами была медвежья берлога, на которую Данила еще тогда набрел, когда он в лес за хворостом да по малину ходил. Подошли к берлоге, а Данила и говорит:

— Здесь и есть дядькин дом. Не бойся — заходи. Он теперь, верно, в золе лежит, мордой в головешки уткнувшись. Говорить он не может — у него, почитай, тысяча лет назад все зубы вывалились.

Что черту делать? Полез он в берлогу и давай хвостиком у хозяина под мордой вилять: хвостик-то у него, сами знаете, закорючкой. А Михайле Потапычу только того и надо: как вскочит, да как облапит черта, да как прижмет, у того инда глаза на лоб вылезли, чуть не сдох.

— Что, нарвался? — надсаживался от смеха Данила, глядя на них издалека.

Уж не знаю, как изловчился черт, но все-таки кое-как из медвежьих лап вырвался. Увидел Данила, что он цел, и ну ему будто помогать, от медведя спасать.

— Будет тебе надо мной куражиться, — кричит бес, — ежели ты знал, что у тебя дядька такой грубиян, чего ты меня к нему послал?

— Что, не понравилось? Борись со мной!

— Я с тобой, знаешь, на что тягаться стану, — да чур не с другими, а с тобой? — Кто сильней гикнет, тот и деньги возьмет.

— Ладно, — думает Данила, — я те гикну!..

— Ну, — говорит, Михрютка, тебе начинать, — послушаем, как ты гикать горазд.

Оперся черт одной ногой о запад, другой о восток, ухватился покрепче руками за петли, на которых свод небесный держится, открыл пасть до ушей да как гикнет...

Дрогнула земля, стон пошел по долинам, вскипели моря-океаны, рыба в страхе заметалась, вылезла из болота вся бесовская сила, свод небесный и тот чуть не обвалился.

Один Препеляк преспокойно сидит на бурдюке с деньгами.

— Эх, ты! — говорит. — А громче не можешь? Я, почитай, тебя и не слышал. А ну-ка еще разок!

Черт еще громче гикнул.

— Не слышно. Еще раз!

Понатужился черт и так гикнул, что у него чуть все нутро не оборвалось.

— Теперь и вовсе не слыхать было... Мой черед?

— Начинай!

— Эх, Михрютка, Михрютка, да ведь ты оглохнешь, ежели я по-настоящему гикну, башка треснет, понял? Послушай лучше, что я скажу, тебя жалеючи.

— Говори!

— Дай-ка я тебе глаза да уши завяжу, а то ей-ей пропадешь.

— Завязывай, лишь бы живу быть.

Достал Данила холщевый рушник, завязал черту, как в жмурках, туго-натуго глаза и уши, взял дубину поувесистей — хоть и помышлял Данила о монашеском чине, а все на дубину больше, чем на крест надеялся, — да как хватит черта в правый висок...

— Батюшки светы! — взмолился черт. — Хватит!

— Нет, не хватит, обожди, Михрютка: ты почему три раза гикал?

И хвать его в левый висок.

— Ох, будет!

— Нет, не будет! — сказал Данила и благословил черта в третий раз.

— Ай-ай-ай! — завопил черт не своим голосом, завертелся кубарем да как был, с завязанными глазами, так и ухнул в болото. Явился к Сатане и рассказал все как было: шутки, дескать, с этим чудодеем плохие.

А пока Данила сидел на берегу около бурдюка с червонцами, вздыхал и все раздумывал, как ему с ним быть, из болота вылез третий черт, с большущей булавой. Кинул ее оземь и говорит:

— А ну-ка, посмотрю я на тебя, как ты со мной тягаться будешь. Кто булаву выше подкинет, тот и деньги возьмет.

«Эх, Данила, — думает Препеляк, — на этот раз твое дело дрянь».

Чему, однако, нужда не научит.

— Ну-ка, — говорит, — бесово отродье, начинай!

Взял черт булаву за рукоять, размахнулся да как запустит ее в высь поднебесную, так она и с глаз долой. Трое суток летела, а на четвертые как загудит вниз, всю землю всколыхнула, до самой середки дошла.

Возгордился черт и говорит:

— Теперь ты кидай!

— И кину, не бойся; только ты мне ее перво-наперво из земли вытащи: ты-то как начинал?

Послушался черт и вытащил булаву.

— Живей! — кричит. — Поторапливайся, мне тебя ждать некогда.

— Повремени малость, басурман. Небось тебя дети за подол не тянут.

Что черту делать — пришлось ждать. Постояли, постояли, а тут и день кончился. В ясном небе засверкали, засмеялись звездочки; месяц выглянул из-за холма, повис в воздухе и осветил землю.

— Когда же ты кидать будешь? — не терпелось черту.

— А вот сейчас кину, успеется, а с булавой ты проститься можешь, не видать тебе ее больше как своих ушей!

— Как так?

— А вот так: видишь на месяце пятна?

— Вижу.

— Там у меня братья живут, на том свете. значит, — сказал Данила, берясь за булаву. — Железа у них не хватает, лошадей ковать нечем. Посмотри, как они мне оттуда машут, чтобы я им булаву закинул.

— Стой, садовая голова, булава эта нам от дедов-прадедов досталась, мы ее за полсвета не отдадим, — испугался черт, отнял булаву у Данилы и бегом в болото — Сатане жаловаться. Осерчал Сатана, встревожился, все племя бесовское к себе призвал, постучал копытом и кричит:

— Чтобы кто-нибудь из вас сейчас шел на берег и с этим супостатом проклятым расправился!

Стал перед ним какой-то бес, а у самого от страха поджилки трясутся:

— Здравия желаю, Ваше Поганство! Что прикажете, то и исполню.

— Ступай, а исполнишь — я тебя в чин произведу.

Кинулся бес со всех ног и в один миг добежал до Данилы.

— Ты, — говорит, мошенник, все наше бесовское царство своими хитростями смутил, зато я тебя сейчас уму-разуму научу — будешь помнить. Давай друг друга проклинать — кто хлеще скажет, тот и деньги возьмет.

Начал бес бормотать да наговаривать, уж я не знаю, как это получилось, только у Данилы возьми — да и лопни глаз. Не везет Препеляку, да и только! Знать, суждено ему было нынче за все грехи ответить; и за кобылу братнину, и за козу, и за гусака несватанного, и за волов, в лесу загубленных. Знать, не зря его гусыни неутешные проклинали.

— Эх, — думает Данила, — нелегко житье иноческое, ежели от мирских соблазнов удалиться и добрые дела творить...

Якшаясь с чертями, он и, в самом деле, с пути истинного сбился. Правда, и глаз не шутка — самое больное место! Так свербит, что терпеть невозможно, но Препеляк все-таки пересилил себя, стиснул зубы и говорит:

— Ты меня, поганое отродье, этой чертовщиной не запугаешь, я тебе такое устрою — век не забудешь.

— Ладно, — говорит черт, — нечего зря языком трепать; начинай, посмотрю я, как ты теперь меня проклинать станешь.

— Придется тебе бурдюк на своем горбу до моей хаты доставить, потому проклятий настоящих, дедовских у меня здесь при себе нету. Понял?

Сказал это Данила, а сам, будь не промах, сел верхом на бурдюк. Взвалил черт на спину бурдюк с Данилой, взвился и одним духом до препеляковской хаты домчал. Перепугалась данилова баба, завидев, как этакая чертовщина по небу летит, бежать с детками ударилась. Но тут Данила кликнул их по имени, они голос его признали и отца звать стали.

— Детки мои ненаглядные! — зовет. — Бегите сюда да проклятия наши дедовские с собой захватите: мыкалку да чесалку, чем пеньку чешут!

Прибежали ребята с дедовскими проклятиями — настал и на данилиной улице праздник.

— Берись, ребята, — кричит, — за этого барина, угощай его чем попало, лишь бы по вкусу пришлось.

А ребятам того и надо — известное дело: недаром от них сам черт бегает. Навалились всей оравой и так отделали, что тятька доволен остался. Завопил бес на все село, что его искалечили, вырвался кое-как, сгинул к своим в болото, а деньги забыл — не до того ему было.

С тех пор никто Данилу больше не тревожил. Избавившись от нужды, прожил он в довольстве и благополучии до самых преклонных лет и за стол садился с сынами сынов своих.

Рисунки РОННИ НОЭЛЯ

ТАК И ДОЛЖНО БЫТЬ!

Новая станция села им. Тудора Владимиреску.

Старая станция.

Ресторан очень популярен.

Село Тудор Владимиреску расположено на левом берегу Серета, там, где река заливает низину, так называемую Балту Толэбяску. Земля эта принадлежала до 1944 года адвокату Миронеску. Помещичьи амбары ломились от зерна, а крестьяне чаще бывали голодны, чем сыты. Четыре тысячи крестьян ютились в лачугах, чем-то среднем между землянкой и шалашом, летом задыхались от пыли, весной и осенью тонули в непролазной грязи. Дети мерли, как мухи, взрослых разъедал сифилис. В селе не было, конечно, ни врача, ни фельдшера. Единственным общественным учреждением была двухклассная школа с одним учителем. Но жизнь здесь тянулась так нудно, так серо и беспросветно, что и учителя только и думали, как бы удрать из проклятой дыры.

Пять лет назад сюда долетел свежий ветер новой жизни. Лачуги, правда, еще видны кое-где под легкой листвой акаций, но сколько кругом новых крепких домов, как по-новому выглядит все село!

Первый сюрприз, как только сходишь с поезда — новый вокзал. Против вокзала — новехонький ресторан. По дороге в центр с почтением смотришь на здания универмага, аптеки, электростанции, радиоузла. А если свернуть в сторону, к церкви, наткнешься на строение не совсем обычных для деревни размеров — амбулаторию, законченную в 1953 году. Ее состав — врач и акушерки, медсестры, фельдшера, всего 11 человек. Неподалеку шумит стройка: возводится школьное здание с десятью классными помещениями, лабораториями и теплицей. В этой же части села стоят усадьбы коллективного хозяйства и двух товариществ. В них вошло больше четверти дворов, и социалистический сектор продолжает расти. В центре — дом культуры, где всегда, особенно зимой, очень людно. Тут и кино, и лекции, и вечера сатиры и юмора местной самодеятельности, которая на смотре 1956 года вышла по Питештскому району первой. Людно вечерами и в библиотеке — у нее больше тысячи читателей.

В заключение мне хочется привести слова одного старика. Я признался ему, что за час увидел в селе Тудор Владимиреску столько, что диву даюсь. Старик ухмыльнулся, погладил бороду:

— Некоторые старики у нас ворчат, говорят, «свет перевернулся». А по моему разумению, свет только теперь на ноги встал.

Когда тебя обслуживает такая молодая и симпатичная аптекарша, как Катринца Николае, невольно забываешь и о болезни.

Матери довольны: врач сказал, что дети вполне здоровы.

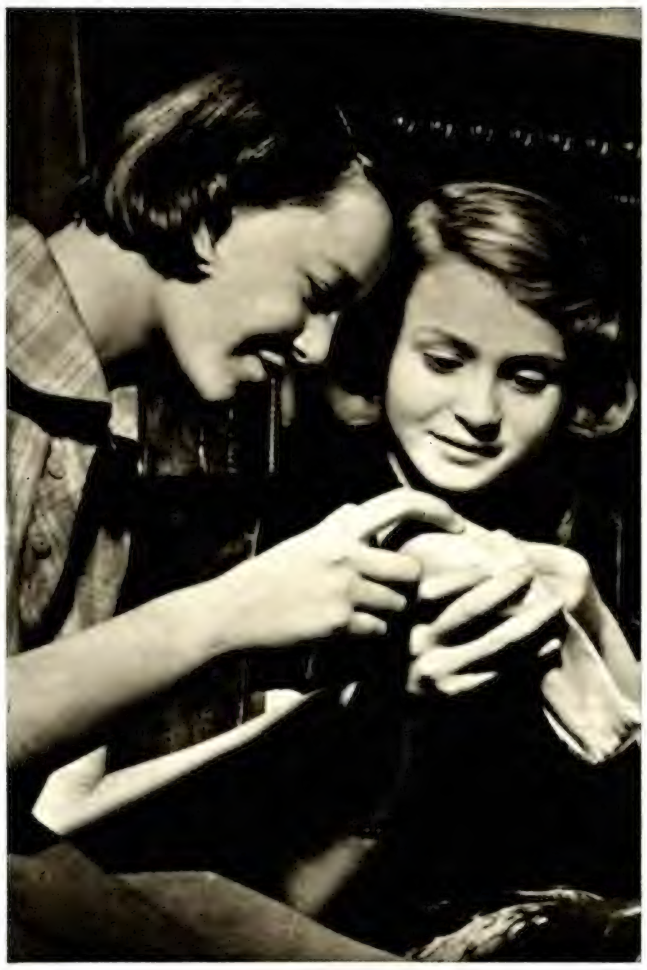
Фото А. РОЗЕНТАЛИ

В артистической уборной перед зеркалом Лэкрэмивара выглядит не по возрасту кокетливой.

Маленькая БАЛЕРИНА

Изящество и чувство ритма, вот что характерно для маленькой балерины.

Дома она хорошая хозяйка.



Настоящие балетные туфельки!

Через минуту начнется спектакль. Как, вероятно, волнуется за кулисами маленькая балерина!

Шустрая девчурка с быстрыми пытливыми глазками, похожая на белочку, которая все скачет и все высматривает, подперлась кулачками и не сводит глаз с Лэкрамиоары Стан. Лэкрамиора гримируется, перед ней пудра, черный карандаш для бровей, краски всех цветов — одним словом, все, что требуется для настоящей балерины, а не просто ученицы. В хореографической школе у Лэкрамиоары и ее подружки есть все что нужно: фортепьяно, преподаватели, чудесный паркет, в общем все, все, все. Но одно дело уроки, и другое — выходить на сцену Государственной оперы вместе с Ольгой Лепешинской, как выйдет через несколько минут эта счастливица Лэкрамиоара. А шустрой девчурке еще ждать два года. Два года — много это или мало?..

В Государственном театре оперы и балета идет «Медный всадник». Выступает знаменитая Лепешинская, гость румынского балета и всей страны. Вокруг Лепешинской кружатся грациозные девочки, словно маленькие эльфы вокруг несравненной феи. И между ними танцует Лэкрамиоара Стан, легчайшая снежинка первого зимнего снега.

На афишах Театра оперы и балета вы не найдете имени Лэкрамиоры Стан. Маленькая балерина — дочь скромного министерского служащего, ученица третьего курса средней хореографической школы. Но у нее уже «богатый опыт» — она не только берет уроки, но и дает их... своим маленьким коллегам. Обладательница похвальной грамоты Министерства культуры, маленькая румынская балерина работает много и терпеливо, мечтая стать через год-два феей нашего балета.

Фото А. ЛОВИНЕСКУ

Но учеба остается учебой. И будни Лэкрамиоары — это будни рядовой школьницы.

Удачный улов!

ТУЛЧА

ПАУЛЬ ДИАКОНЕСКУ

У причала.

Тулча... Есть где-то такой городок, на берегу серебристой ленты Дуная. На карте Дуная вы его не отыщете — он слишком мал для великой реки, пресыщенной сказкой Черного леса, архитектурой и музыкой Вены, железно-каменными кружевами знаменитых будапештских мостов и величием Железных Ворот. Дунай плывет мимо Тулчи, утомленный и равнодушный. Зато Тулча, взобравшись на семь холмов, глядит на него во все глаза и восторженно улыбается, сверкая белизной своих веселых домов.

Тулча стоит здесь еще с тех пор, когда Вены и Будапешта и не существовало! Но не будем цепляться за прошлую славу; стоит ли возвращаться на две тысячи лет назад, ко времени греческих и римских колоний в Малой Скифии, производить раскопки и прибегать к объяснениям археологов, тем более, что город идет навстречу новой славе, современной в полном смысле этого слова! Эту новую славу ему принесла — вы угадали! — промышленность. Познакомимся же с сегодняшней индустриальной Тулчей.

От порта к холмам поднимается главная улица. На ней находятся три четверти всех магазинов и учреждений Тулчи. Разделенный этим торговым меридианом на две почти равные части, городок распростерся вдоль дунайского берега. Одно его крыло, более длинное, тянется за бегущим к морю Дунаем почти три километра. Это промышленный район, район железа и камня. Он молод и силен. В разные концы страны и за границу отсюда отправляется внушительное количество осетрины и белужины, ящики с живыми раками и коробки с лягушками. Здесь изготовляются ежедневно тонны рыбных и овощных консервов, томатной пасты, джема, варений, рыбной муки, выпускающейся у нас только в Тулче, здесь строятся транспортные и рыболовные суда, производятся стройматериалы из камышита и листы макулатурного картона из местного камыша, причем надо сказать, что таких предприятий, работающих на камыше, в мире очень немного.

Приставая к причалу с двумя деревянными платформами и двумя электрическими подъемниками, баркасы выгружают десятки и десятки тонн дунайской рыбы. Механические лебедки тянут вагонетки с судаками и карпами, сельдями и лещами, сомами и щуками под длинный навес холодильника. Нигде нет в помине качающихся на вечернем море поэтических лодок, столь любезных сердцу редакторов иллюстрированных журналов и кинохроники. Здесь идет серьезная хозяйственная работа: рыбу разбирают по сортам и величине, замораживают или солят. Занимаются этим потомственные рыболовы, дюжие липоване, великие знатоки своего дела, на глазок безошибочно определяющие вес и качество рыбы.

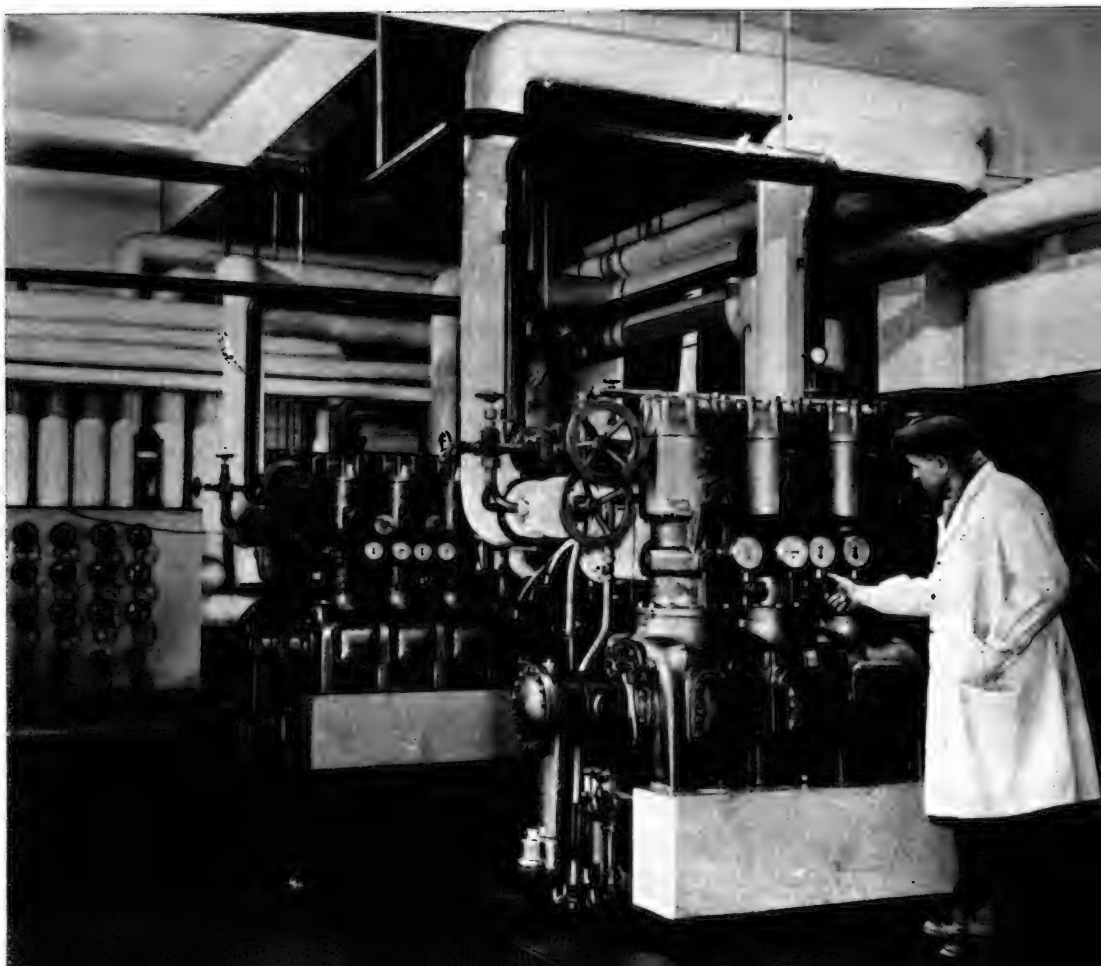
С одним из них я познакомился на причале, возле разгрузочной платформы. Было шесть часов утра. Сильвестру Красовскому очевидно не хотелось терять время на разговоры: он торопился с отправкой одного из стоявших у причала судов. Несколько лет назад Красовский был рядовым рыбаком: могуче греб, ловко выбирал сети и, наверно, крестился и шептал: «Господи, пронеси», когда батюшка-море волновалось не в меру. Теперь он — начальник транспортной службы и распоряжается 31 судном и 13 грузовиками. «Простите, товарищ: занят»... И он снова куда-то исчезает — отправлять другое судно. Так начинается производственная одиссея рыбного центра.

За холодильником тянется на двести метров рыбозавод. Построенный за последние два года на месте примитивной фабрики, он стал теперь самым усовершенствованным в Румынии предприятием такого рода. Мощность его — от восьми до десяти тонн в смену. Любителя поесть здесь поразят не только машины, а больше, пожалуй, запахи; пленительные ароматы томатного соуса,

Новая фабрика рыбных консервов в Тулче.

В продовольственные магазины и на экспорт отсюда идут десятки тысяч банок рыбных консервов.

Машинное отделение городского холодильника.



Так выглядит сегодня пристань в Тулче.

ТУЛЧА

кипящего в огромных котлах, и рыбы, варящейся со всякими снадобьями, дразнят аппетит, разгоряченное воображение рисует картины лукулловских пиров.

Рабочие, конечно, относятся к этому иначе. Мария Черневски, например, к этим запахам равнодушна. Она спокойно наблюдает за тем, как кипят в растительном масле сельди, потом ловко обваливает рыбу в муке... Черневски в этом месяце перевыполнила норму и значительно округлила свою основную зарплату.

Вид ломтей осетрины в горячем томатном соусе, аппетитнейших сельдей в масле, головокружительные запахи, одним словом, все эти соблазны столь мало известной лаборатории земных наслаждений, в свое время доставившие немало мук святому Антонию, заставили меня поскорее покинуть рыбозавод и отправиться вниз по набережной. Глазам моим неожиданно предстала библейская картина: подпертый со всех сторон множеством жердей и балок, на берегу высился ноев ковчег, очевидно, прибитый к берегу после своего длинного путешествия. Мне разъяснили, что это — большой, больше обычных, баркас, и что я нахожусь на территории судостроительного завода, который снабжает транспортными средствами местные заводы и предприятия.

Эманоил Стэнеску уехал из Тулчи в 1950 году, чтобы учиться в Бухаресте на химическом факультете. В 1955 году его направили в родной город на завод, о котором он и не слышал. Было от чего ему расчувствоваться и в первый момент разволноваться. Даже у меня сильно билось сердце, когда я переступил порог предприятия механизированной уборки камыша. Здесь я познакомился с одним человеком, главным инженером Еудженом Чобану, который рассказывал мне о своей работе со страстным увлечением.

Еуджен Чобану так полон энтузиазма, его воображение рисует такие блестящие картины будущего, размах его дерзаний так смел, что и я начинаю видеть Тулчу окруженной ослепительным ореолом... 250 тысяч гектаров камышевых зарослей могут дать 500—600 тысяч тонн искусственного волокна, т.е. столько, сколько дала мировая промышленность в 1936 году. В Дельте уже начали обрисовываться гигантские новостройки. Машиностроители на пути разрешения трудной задачи создания подходящего оборудования — уборочных машин, которые могли бы работать на неустойчивой почве, иной раз в воде. Около Тулчи вырастет целый порт — для транспортных судов камышеобрабатывающего предприятия.

Работы такого масштаба потребуют сотрудничества с другими народно-демократическими странами. Скромная Тулча будет фигурировать в докладах и проектах научно-исследовательского и проектного института Демократической Германии, Чехословакии, Польши...

... Есть в Тулче место, откуда виден весь город, с его промышленными кварталами, белыми домами, с его пышной, богатой растительностью, портом и струящейся лентой Дуная. Это — холм, где устраиваются народные гулянья, куда приходят вечером влюбленные пары, где поют хором украинские широкие, берущие за сердце песни, словно созданные только для того, чтобы плыть над вольным простором дунайских вод (Украинский квартал расположен у самого подножья холма).

Вечером Тулчу наводняет музыка. Как только прекращаются гудки буксиров, оживают репродукторы на главной улице и в порту. Льются румынские, турецкие, болгарские, украинские мелодии — олицетворение дружбы трудовых будней.

Тулча... Заводы и фабрики государственного значения, за пять-шесть лет неожиданно и быстро выросшие на берегу Дуная, как грибы, — да не покажется это сравнение уничижительным! — нарушили ее патриархальную тишину и неподвижность, и городок зажил полнокровной, шумной жизнью современного промышленного города.

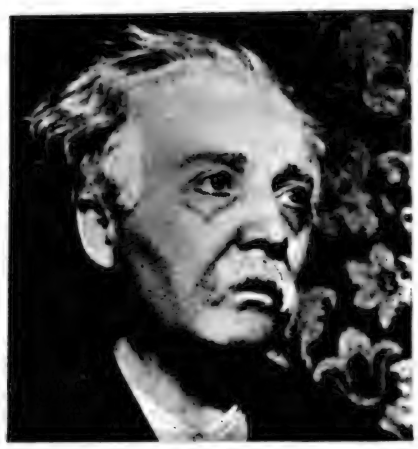
Фото НИКУ ВАСИЛЕ

Даже рыбные кости идут в употребление. Из них изготовляется так называемая рыбная мука, отличное питание для животных.

Из недоступных для другого транспорта мест камыш пробуют вывозить чехословацким вертолетом.

КОСТАКЕ АНТОНИУ И ЕГО ГЕРОИ

Любимая роль — Муромский из «Свадьбы Кречинского» Сухово-Кобылина



В роли Инку в пьесе Мирчи Штефанеску «Там далеко» (1939 г.)

В пьесе братьев Тур и Шейнина «Очная ставка» Костаке Антониу играл Гуревича (1949 г.)

Замечательно играет К. Антониу Андрея Прозорова в чеховских «Трех сестрах» (1951 г.)

Чернóгубов из пьесы «Персональное дело» А. Штейна (1955 г.)

В роли Удри из «Безымянной звезды» Михаила Себастьяна (1956 г.)

Обыкновенная, будничная жизнь, обыкновенные «простые» люди. Душевная структура их не представляет сложностей, они наивны, сильны своей «слабостью»; на сцене театра эти люди появляются, чтобы подать короткую реплику, сделать жест, бросить взгляд — и только. Но это скупое проявление себя часто должно говорить больше, чем монолог, оставлять в душе зрителя глубокий след. Драматическую поэзию таких персонажей трудно схватить и трудно передать. Понятно, что актер подходит к ним с сомнением и колебанием. Можно ли, играя такое действующее лицо, добиться большой творческой удачи, создать образ, который бы устоял во времени? Попробуем ответить на этот вопрос, проследив творческий путь нашего известного артиста Костаке Антониу.

ПОЛВЕКА НАЗАД

Осенью 1907 года у дверей школы села Цигэнаш, удобно расположившегося на невысоком холме в окрестностях Яссы, остановилась неказистая телега, расхлябанная, скрипящая всеми своими суставами, и из нее вылезли двое — мужчина и женщина. При разговоре с учителем господином Антоном присутствовал и круглолицый, рыжеватый мальчонка с глазами голубее неба, пятый из семнадцати детей сельского писаря Василе Антониу.

Приезжие говорили с учителем о «представлении». Что это такое, мальчонка не знал и понял только на другой день, когда на соседском дворе начались удивительные штуки. Мужчина и женщина глотали шпаги, вытаскивали изо рта ленты, прятали в шапку белый платок, а вынимали оттуда десятки цветных... одним словом, проделывали невероятные чудеса.

Вскоре после посещения «ахтеров» господин Антон, учитель, выбрав из своих питомцев самых разбитных и шустрых, организовал театральную труппу и после долгих хлопот и передряг «поставил» одноактную пьесу! В числе актеров был и Костаке Антониу. Роли ему давались ответственные, только держись. В общем — столп и надежда труппы. Надеждой он был и в классе, и каждый раз, когда из Яссы или Бухареста приезжал инспектор, читать стихи вызывали к доске его.

Школьная труппа ездила по окрестным селам, старики ее помнят.

— Знаем... Видали. Один теперь важный стал... артист в Бухаресте... Дела!..

Учился Костаке Антониу в гимназии, в Яссах. И уже гимназистом постоянно торчал на галерке Национального театра, пробирался за кулисы...

Такова в общих чертах история встречи Костаке Антониу с театром, который стал его страстью и которому он столько дал впоследствии. История простая, не блещущая особенными эпизодами. Но влюбленный в театр гимназист поступил в свое время в Ясскую консерваторию и под руководством Стате Драгомира, выдающегося актера и театрального деятеля, овладел тайной сценического искусства.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Первый год в консерватории прошел, как сон, хотя бывали и тяжкие дни, и многое давалось с трудом. Но на переходном экзамене голубоглазый студент произвел такое впечатление на директора Ясского Национального театра (тогда директором был Михаил Садовяну), что ему предложили ангажемент. Консерваторию Антониу кончил в 1920 году. Если первый год прошел, как сон, то второй, третий прошли в непрекращающейся схватке: с атмосферой сцены, со словом, жестом, вздохом, улыбкой. Все это были элементы, которые надлежало освоить. Он мечтал о роли маркиза де Позы, Отелло, Алеши Карамазова, а ему приходилось стоять неподвижно, как немая принадлежность декорации. Шаг вперед, конечно, не монолог Гамлета. Наконец, через несколько лет — не роль Освальда из ибсеновских «Призраков» — а традиционный поднос лакея: «Господин барон, телеграмма!» Трудные, неизбежные ступени актерского мастерства. К тому же бедность, жизнь на мансарде с другим таким же нищим актером.

Но мечта детских лет постепенно становится явью. Вот она первая, настоящая роль — Нае Ипингескеску в «Бурной ночи» Караджале. Это один из тех персонажей, которые играешь, как фокусник на канате, все время на грани, все время в неустойчивости. Это — роль, в которой висишь на волоске, лавируешь между шаржем и естественностью, забывая, что ты должен оставаться маской, карикатурой. Тогда Антониу понял, что без таланта актеру на сцене делать нечего.

С молодых лет играя роли стариков, легко переходя от Караджале к Шекспиру, от Мольера к Ибсену, от Гольдони к Бернарду Шоу, от Александри к Михаилу Себастьяну, после сорокалетнего труда достигнув полноты художественной зрелости, Костаке Антониу приходит к образу «простого» героя.

ВЕЛИКАЯ ПРОСТОТА

Неизвестный подвыпивший гражданин «намагнетинившийся ямайкой», находит и потом теряет письмо, компрометирующее несколько лиц из высшего общества и путает расчеты устроителей выборов. Этот неизвестный избиратель второй коллегии, «слава богу, домовладелец», простой человек, честный и обманутый, невинная, ничего не понимающая жертва, появляется на сцене на очень короткое время и произносит очень немного слов.

За рабочим столом в Театральном институте им. И. Л. Караджале.

КОСТАКЕ АНТОНИУ И ЕГО ГЕРОИ

Костаке Антониу придал маске человеческое выражение и, не шаржируя пьяный угар, используя богатую мимику — от видимого острого, но никогда не кричащего жеста, до хитрого, почти неуловимого подмигивания, раскрыв и отточив каждое душевное движение, каждую крупинку мысли, создал из подвыпившего гражданина замечательный образ, который воплотил в себе полную бессознательность и разброд в мыслях румынской мелкой буржуазии восьмидесятых годов XIX столетия. (На Парижском драматическом фестивале в 1956 году, несмотря на то, что пьеса шла на непонятном для зрителей языке, подвыпивший гражданин в исполнении Костаке Антониу пользовался огромным успехом. Вот что значит универсальность драматической речи, когда ею владеет подлинный мастер!).

Трудно перечислить всю галерею образов Антониу. Тут и чеховский Прозоров и бедный крестьянин Спиридон Хампу из пьесы Марии Бануш «Великий день», тип современный, выхваченный из нашей действительности и созданный артистом с большой силой, и учитель Удря из «Безымянной звезды» и Андроник из «Последних известий» Михаила Себастьяна...

Приучив публику к людям застенчивым, робким, лишенным боевой закваски, людям, которым он, исполнитель, внутренно сочувствует, вызывая на лице зрителя улыбку сочувствия, Антониу иногда поражает зал, выступая в роли сознательного, смелого борца, способного сплотить вокруг себя людей и убедить их действовать. Таким мы видели его в роли Черногубова из пьесы А. Штейна «Персональное дело». Комедийный талант здесь нисколько не снизил драматургического потенциала героя. Особенность дарования Костаке Антониу, который смог проявить свой талант в полную меру только в годы народной власти, когда для развития реалистических традиций румынского театра были обеспечены все условия, состоит именно в способности переходить от классики к современному театру, от трагедии к драме или комедии.

ТРУДОВЫЕ БУДНИ

Тут дело осложняется!

Если ты хочешь увидеть Костаке Антониу на сцене — прочти афишу Бухарестского национального театра им. И. Л. Караджале, купи, если найдешь, билет, и отправляйся в театр. Если хочешь только слышать его, включи приемник в час «театра у микрофона». Но если тебе вздумалось поговорить с ним... Народный артист Костаке Антониу — директор Театрального института им. И. Л. Караджале, где сначала был лектором, а затем профессором; депутат Великого Национального Собрания; депутат бухарестского народного совета; член Национального комитета защиты мира и еще... муж, очень заботливый и очень внимательный.

Если Антониу не в институте, то на заседании, если не снимается в фильме «Буревестник» по одноименному роману Петру Думитриу, то сидит в тишине и пишет статью для какого-нибудь журнала. Его можно послушать в лекционном зале, а если он вечером не играет, то идет в театр как зритель. Это неутомимый труженик, активный культработник. Поймать его для интервью почти невозможно. Если вы думаете, что вам это удастся, придя в театр за два часа до начала спектакля, то вы ошибаетесь. Антониу, действительно, приходит за два часа, как трепещущий от сладкого волнения новичок, но он запирается в своей артистической уборной, одевается, гримируется, совершает сложный процесс, который нужен артисту, чтобы войти в роль.

И все-таки его можно настигнуть... часов в восемь утра, около решетки городского сада Чишмиджиу. Седоволосый, с румяным лицом, шагающий легко и быстро, Костаке Антониу сворачивает на Скиту Мэгуряну. Он идет в институт «исполнять», — как он говорит, — свои служебные обязанности»

Б. ДУНЭРИНУ

Фото Н. АЛЕКСАНДРА

Незабываемым останется в исполнении этого замечательного артиста Подвыпивший гражданин из «Потерянного письма» И. Л. Караджале.

Но, гнедой!

АЛЕКСАНДРУ ШАХИГЯН

Я выехал из Турну утром, на одноконной бричке коллективного хозяйства N-ского села, которое собрался посмотреть. Дорога была прескверная — размытая, в вязкой грязи. Солнце чуть пригревало, но студеный степной ветер колол лицо. Лошадь трусила по дороге, меся копытами черную грязь. Весна как будто началась, но на полях еще лежал снег. Лишь кое-где сверкающая на солнце лужица талой воды возвещала: идет весна.

Словно отвечая на мои мысли, сидевший справа возница сказал, кивнув на поля:

— Скоро на работу выйдут. Снегу недолго лежать, через денек-другой стает. — Он плотнее запахнул тулуп и, показав кнутовищем на группу черных деревьев, непонятных и неожиданных на гладкой, как ладонь, равнине, прибавил: — Был я вчера в Мэгуре. Там в коллективном люди только готовятся, а мы уже давно готовы.

— Верно, — подтвердил человек, сидевший слева. Он смотрел в голубое небо, на тянущиеся куда-то косяки диких уток. — Вон и птицы перелетные к нам пожаловали.

Оба замолчали. Вокруг была тишина. Только хлюпала копытами наша лошадь. Возница подхлестнул ее, и она перешла в рысь.

Я наслаждался простором, зрелищем голых деревьев на обочине дороги, голубизной неба. Слева, вероятно, уж в пойме разлившегося Дуная, появились низкие, тоже оголенные рощицы.

Вдруг откуда-то донесся свист дрозда. Вскоре я увидел его. Он сидел на ветке, желтоклювый, и встречал нас, как хозяин здешних мест. Лошадь шла теперь шагом, и мы все трое слушали этого вестника весны, сообщавшей о своем приходе всеми возможными средствами. Дрозд оборвал свою песню и улетел. Возница снова завертел кнутом.

— Пошевеливайся! — добродушно прикрикнул он на лошадь.

— Трудная дорога, вязнут копыта, — заметил мой спутник. Он перевалился из брички и смотрел на ноги лошади, которые разбивали оставшиеся тут и там на месиве стеклышки льда.

Это был высокий, рыжий человек лет сорока, в высокой шапке, в черном тулупе, подбитом овчиной, в брюках, засунутых в сапоги. Возница был старше. Ему, пожалуй, перевалило за шестьдесят пять. Сивые усы закрывали уголки рта, голубые, очень живые глаза пытливо смотрели из-под кустистых бровей.

— Давно у нас не был? — спросил он, быстро глянув на рыжего.

— Недели две.

— К весенней посевной?

— Точно.

Видно было, что нашему спутнику не хотелось разговаривать. Он сидел неподвижно и смотрел вперед, думая о чем-то своем. Потом поднял высокий воротник тулупа, нахохлился. Но у старика, видно, чесался язык и он не оставил его в покое. Из их разговора я узнал, что человек в тулупе тоже из N-ского хозяйства и уже год работает в районном народном совете. Ему часто приходится ездить по этой дороге по делам райсовета в деревни — и на телеге, и на бричке, как случится.

— Так хоть со своими связь держишь, — говорил старик. — Приедешь, на сыновей посмотришь. Хорошие ребята. Это они, на тебя глядя, такими стали. Передовик ведь хозяйства — не шутка. — Он покрутил головой и ткнул лошадь кнутовищем.

Но лошадь сделала вид, что не понимает, чего от нее требуют. Старик, осердясь, хлестнул ее. Гнедой затрусил рысцой, и некоторое время деревья возле дороги мелькали быстрее.

— Не гони, — сказал человек в тулупе. — Устала лошадь, да и дорога длинная.

— Эва, длинная!

Возница опять стегнул коня и бормотнул в усы:

— Разленился!

— Посмотрел бы я на тебя, как бы ты шагал по такой грязи, — сказал молодой.

Старик глянул на него удивленно, словно хотел убедиться, что с ним не шутят, и миролюбиво сказал:

— Видать, постарел.

— Нет, он не старый, — упрямо прозвучал голос человека из райсовета. Он не повернул головы.

— Пусть и так... Но, гнедой, но! — снова завел возница свою древнюю песню. — Но!... До одиннадцати сколько еще осталось? — Он посмотрел на солнце. — Тихо мы ехали.

— Еще далеко до одиннадцати, — отозвался человек из райсовета. — Не гони лошадь.

— В одиннадцать велено доставить. — Старик уселся поплотнее, натянул вожжи и на этот раз хлестнул коня не на шутку.

— Разучился править, дед, — жестко усмехнулся человек в тулупе.

Я оторвался от подступавших к дороге рощ, за которыми прятался невидимый Дунай, и внимательно посмотрел на своего спутника. Лицо его передернулось. Он как будто отведал горького напитка.

— Лошадь тянет хорошо, — сказал он. — Голосом его понукай, словом. Он поймет, это добрый конь.

Старик промолчал. Работник райсовета недовольно следил за его движениями. Ивы поднимали нам навстречу желтые, пожалуй, уже налитые соком веточки.

Старик промолчал.

— Конь добрый, — повторил мой спутник.

Утки кружились над ивняком, выбирали подходящее болото. А работник совета все смотрел на лошадь. Далеко за ивовыми рощами, обозначавшими течение Дуная, высились в голубой дымке горбы болгарских гор. Некоторое время ничего не было слышно, кроме топота лошади.

— Стой! — сказал вдруг человек в тулупе. — Тпруу!...

Старик натянул вожжи и вопросительно посмотрел на него.

— Хромает. Лед в копыта набился.

Остановившись, лошадь сразу отставила переднюю правую ногу. Действительно, в копыте образовался комок сбитой грязи и снега. Человек в тулупе соскочил с брички, взял из рук старика кнут, вычистил кнутовищем копыто, поковырял и в других и, кончив эту операцию, похлопал лошадь по морде.

— Потому и не шла, — сказал он, залезая в бричку. Он посмотрел на свои сапоги, по голенище облепленные грязью.

— А я-то думал: разленился гнедой, — сказал возница вздыхая. — Обидел коня. Ишь сапоги-то как заначкал.

— Ничего.

— Глянца жаль, — старик улыбнулся. — Почему меня не пустил? Я свои башмаки только по воскресеньям чищу.

Человек пропустил его слова мимо ушей и сказал с укором и с той же резкостью в голосе, которая заставила меня насторожиться в первый раз:

— Скотина говорить не умеет, ее без слов понимать надо. — Может, за лошадьми не умеешь смотреть, дед?

— Уж скажешь, — обиделся тот. Что у меня, своих не было?!

— То-то и оно.

Это прозвучало упреком. Может быть он хотел сказать, что старик не ухаживал за лошадьми хозяйства, как за своими собственными.

— А все-таки стар конь, — сказал кучер.

— Двенадцать лет.

— Двенадцать? — удивился старик. Он посмотрел на лошадь, подумал... — Нет, больше.

— А я тебе говорю двенадцать.

— И то, — просиял вдруг старик. — Ты же его знаешь.

— Знаю, жеребенком растил.

— А я и забыл. Верно! Двенадцать лет!

— Именно.

— В коллективном он хорошо работал.

— В паре с другим. Тяжко им приходилось. Мало лошадей в хозяйстве. Каурого знал?

— Как же. Того, что сдох? Помню. Уж паршивка твой по нему убивался...

— Я их в Турну обоих купил.

Мой спутник оживился, повернулся к вознице, заговорил с воодушевлением.

— Ни у кого не было таких коней, как у тебя, — продолжал старик. — Жалко, что гнедой один остался. Не запряжешь его одного в телегу.

— Что уж вспоминать, — сказал человек из райсовета, явно польщенный словами старика. — Поработал он достаточно.

Мы подъезжали к Олту. Бричка остановилась на взвозе, изрытом ногами, копытами, колесами телег. Мы все трое слезли и стали ждать.

— Попона есть? — спросил человек из райсовета. Но возница уже накинул ее на вспотевшую спину лошади. — Я думал, ты позабыл.

— Как можно, — сказал обиженно старик.

Река вздулась, и вода шла большая, густая, желтая, смешанная с кашей снега. Время от времени сверху приплывали белые глыбы. Они крутились в водоворотах, вода грызла их края, они раскалывались, распадались, исчезали.

Паром пристал к берегу, старик взял лошадь под узцы и вывел ее на середину парома. Пошли и мы. Человек из райсовета похлопал лошадь по крупу, обошел ее, потрепал по морде, оттянул хомут — не натирает ли? Потом уронил руку на спину лошади и задумался, глядя на бегущую темную воду.

Словно благодаря его за все эти доказательства дружбы, лошадь положила ему голову на плечо. Они стояли неподвижно в свете молодого ласкового солнца, а паром нес нас к противоположному берегу. Мне казалось, что человек что-то шептал коню. Он обнимал его за шею и трепал по морде.

За моей спиной тяжко вздохнул возница. Я оглянулся. Старик стоял возле брички и курил. Видя, что я повернул к нему голову, он снова вздохнул.

— Ведь это его лошадь. Да-а-а, его... Он первый вступил в хозяйство, пять лет назад, в самом начале. Запряг тогда своих коней в телегу и поехал по улицам показать всему селу, каких коней отдает в коллективное. Такие-то дела... — старик качал головой. — Лошади все вперемежку, плохие, хорошие, одну работу делают. И люди так же... Правильно! А все-таки, конь-то твой. Верно я говорю? Не легко забыть, — и он прибавил тихо: — И у меня пара лошадей в хозяйстве...

Я очнулся от своих мыслей, когда паром толкнулся в берег. Человек в тулупе вывел лошадь, снял с нее попону. Мы снова уселись на наши места. Конь потащил бричку вверх по холму. Ноги лошади скользили, разъезжались. Только когда мы выбрались на прямую дорогу, старик хлестнул лошадь, и гнедой пустился рысью.

— Знаешь что, — сказал человек в тулупе, — дай-ка мне вожжи, я поправлю. Ты не обижайся.

— Как же, как же. — заторопился старик. — Чего мне обижаться. На тебе и кнут.

— Кнута не надо.

Старик привстал, поправил на себе шубу и понимающе подмигнул мне. Затем засунул руки в рукава и уселся поудобнее. Неясная улыбка блуждала по его лицу. И нежность в ней была, и грусть далеких, почему-то возникших воспоминаний.

Я смотрел на человека в тулупе. Он правил осторожно и ловко, внимательно смотрел на черную дорогу. Мне видна была только правая половина его лица.

До самого хозяйства он ни разу не стегнул лошадь, но все разговаривал с ней: «Но, гнедой, но!.. Но, гнедой, но!», — ласково, словно обращался к одному из своих сыновей. Даже, пожалуй, нежнее.

Я смотрел на него всю дорогу, позабыв и о небе, и о рощах. Мне хотелось увидеть его лицо, понять, что происходит в его душе. Но человек не шевелился. Оставалось слушать его голос, в котором было столько любви к бессловесным друзьям человека. «Но, гнедой, но! Скотина говорить не умеет». «Но, гнедой, но! Ей, как и человеку, нужны ласка и доброе слово».

Я слушал и слушал его напевное понукание и вдруг, когда он неожиданно посмотрел вправо, увидел его лицо, преображенное внутренним сиянием.

Поймав мой взгляд, человек сказал с некоторым смущением:

— Ведь он работал, как человек! Право, словно понимал, как нам всем трудно в начале. — В его словах звучала гордость: его конь тоже постарался для общего дела, тоже помог хозяйству подняться и расцвести. Столько ласки было в этом голосе, что он забирал за сердце.

— Но, гнедой, но!

Лошадь шла ровной рысью, и в холодном утреннем воздухе у нее дымились вспотевшие бока.

Рисунки Г. АДОКА

ХРОНИКА

СКОНЧАЛСЯ АКАДЕМИК БАРБУ ЛЭЗЭРЯНУ

Румынская литература потеряла в его лице своего помощника и поэта. Барбу Лэзэряну верил в силу рабочего класса и был одним из первых историографов рабочего движения в нашей стране. Поэт и публицист, он был сотрудником ряда передовых издательств в нашей стране и некоторых прогрессивных французских периодических изданий.

После первой мировой войны Барбу Лэзэряну помещает под социально-культурной рубрикой газеты «Сочиалисмул» ряд статей о румынских классических поэтах и писателях: Эминеску, Карадикале, Крянге, Хаждэу, Антоне Панне и других. Убежденный антифашист, он всегда выступал против империалистической войны.

Автор многочисленных статей и монографий о румынских классиках и о румынском фольклоре, Барбу Лэзэряну широко популяризировал наши культурные ценности. Трудящиеся нашей страны глубоко ценят эту деятельность.

Ректор рабочего факультета им. Штефана Георгиу, позднее почетный член Академии РНР и генеральный директор академической библиотеки, Барбу Лэзэряну оставил после себя обширные литературные и научные труды.

База ядерных исследований, производство радиоактивных изотопов для медицины, сельского хозяйства и промышленности Румынии — таковы перспективы, открывшиеся перед нами благодаря атомному реактору мощностью в 2.000 квт, полученному по договору из СССР. Установка реактора заканчивается.

Румынские исследователи и специалисты, работники Института ядерной физики, монтирующие реактор вместе с советскими специалистами, построили ряд тяжелых установок, оборудование и помещение, необходимые для действия реактора.

На высоте ста метров на самой высокой башне Дома Скынтейи установлена антенна начавшей недавно действовать первой румынской телевизионной станции. Вся аппаратура получена из Советского Союза. На установке ее работали советские специалисты во главе с инженером К. А. Алексеевым, директором киевской телевизионной станции. Из Советского Союза прибыли и первые 1.100 телевизоров.

На снимке: Румынские и советские специалисты за работой.

Уголок Бухареста в Берлине, ресторан «Бухарест» на Александерплац, привлекает много посетителей. Пейзажи наших Карпат на стенах, румынские блюда, старая цуйка, оркестр народных инструментов Ионела Диникэ, певучие дойны — все создает румынскую обстановку.

Газеты, радио и телевидение очень лестно отзываются о ресторане, о румынской музыке и румынской кухне. Трансляции организуются непосредственно из ресторана.

На снимке: Оркестр Ионела Диникэ в берлинском ресторане «Бухарест».

БЕССТРАСТНЫ ЛИ ЦИФРЫ

Подписание торгового договора между Румынией и Исландией. Исландию представляет господин Петур Таристейнссон, полномочный посланник в Румынии, а Румынию — министр иностранной торговли Марчел Попеску.

Наше внимание привлекли цифра и несколько пояснительных слов. «*100 делегатов румынских научных деятелей участвовали в истекшем* (т.е. 1956 году) *в конгрессах и международных съездах в Советском Союзе, Германской Федеративной Республике, в Испании, Японии, Индии, Бразилии, Мексике и других странах*».

Цифра произвела на нас впечатление. Румынская наука всегда вправе была гордиться своими представителями. Достаточно напомнить о Георге Маринеску (медицина) или Цицейке (математика). Но на международные съезды наши ученые ездили неорганизованно, за свой счет, и жили заграницей по-студенчески, отказывая себе в самом необходимом. Государство в прежние времена не заботилось о том, чтобы работники науки могли заниматься только наукой, а не изысканием средств к существованию и поездкам.

Пожалуй, подумали мы, было бы интересно узнать и другие цифры, чтобы хорошенько понять, что произошло у нас за 365 дней прошлого года. И так как мы уже вступили в область науки, мы обратились за сведениями к первому секретарю Академии РНР академику Штефану Милку.

«Научная деятельность, — сказал он, — не может быть выражена в цифрах. Но иногда, в известных случаях, к ним все же можно прибегнуть. Вот, например...». — И я узнал, что в прошлом году у нас побывало около сотни ученых из-за границы: профессор Макдональд Критчлей из Англии, профессор Яницкий из СССР, профессор Фердинанд Хофф из Западной Германии, профессор Ломбарди из Швеции и т.д.

Общее число зарубежных гостей было, конечно, куда больше. Ведь кроме представителей науки нашу страну посетили парламентские делегации СССР, Болгарии, Венгрии, Индонезии, Франции, Китая, Сирии, Японии, США, Бразилии и Германской Федеративной Республики.

Георге Видрашку, член Президиума Великого Национального Собрания РНР, с которым мы говорили о значении этих визитов, сказал:

— Они проходили под знаком дружбы, и мы думаем, что это вклад в дело международного сотрудничества. Посланцы зарубежных парламентов имели возможность видеть все, что их интересовало, говорить с кем им было угодно, одним словом, познавать нашу действительность с ее достижениями и недостатками. Вопреки поползновениям некоторых кругов отравить международную атмосферу, мы будем и в нынешнем году продолжать политику культурного обмена, уверенные, что такая политика значительно поможет развитию международных отношений.

Любопытство, как аппетит, разгорается, когда его начинаешь удовлетворять. Нам захотелось узнать больше, из других областей. И в руках у нас оказалось еще несколько цифр.

Румыния имела свои павильоны на семи международных ярмарках — в Лейпциге, Милане, Измире, Дамаске, Салониках, Загребе и Лондоне, причем в Дамаске и Загребе нашим экспонатам была присуждена первая премия; нашу страну посетили представители торговых и промышленных кругов разных стран — делегаты торговых палат Индонезии, Судана, Греции и др.; мы торговали больше чем с 70 странами, подписали торговые договоры с Египтом, Сирией, Ливаном и Бирмой, мы продавали машины, промышленное оборудование, моторы Дизель, электромоторы и нефтеоборудование.

Но перечисление географических названий напомнило нам одно, прогремевшее в последнее время по всему миру: Мельбурн. Где и как защищали наши спортсмены честь РНР на международных аренах? Конечно, лучше всего нам расскажет об этом зампред Комитета по делам физкультуры и спорта Ион Вайда.

Сообщенные им цифры весьма показательны: 2343 румынских спортсмена приняли участие в 131 зарубежном состязании, 1.627 спортсменов различных стран выступали на наших аренах в 64 встречах. После долгого перерыва румынские спортсмены возобновили отношения со спортсменами США, Югославии, Турции и других государств, установили тесную связь со спортсменами Египта, Ливана, Сирии и других стран Ближнего Востока.

Наша женская хэндбольная команда завоевала в Западной Германии звание мирового чемпиона, женская и мужская команды волейбола на мировом розыгрыше в Париже вышли на второе место, мастерам маленькой ракетки Анджелике Розяну и Элле Целлер в Токио в четвертый раз было присуждено звание мирового чемпиона.

— А Мельбурн? — спросили мы. — Что вы нам скажете о Мельбурне?

— Скажу, что после наших достижений на международных чемпионатах и соревнованиях мы вправе были рассчитывать на такой успех. 1957 год должен принести новые победы. Будем надеяться, что олимпийский дух не заглохнет и дружеские соревнования развернутся на всех стадионах и спортивных площадках мира.

Наш маршрут в царстве цифр определила случайность. Если бы мы установили его, руководствуясь важностью фактов, то порядок был бы иной. Следовало начать с поездок руководителей партии и правительства РНР в Китай, Корею, Монголию, Югославию, Венгрию и СССР; затем сказать о возобновлении дипломатических отношений с Грецией и о посылке наших полномочных представителей в Бирму, Судан, Исландию и Сирию, т.е. об установлении дипломатических отношений еще с 5 странами. В нашем дипломатическом активе и признание независимости двух стран — Марокко и Туниса, а также то, что румынская делегация впервые участвовала в прениях на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН.

★

Что означают все эти цифры и факты? Что наши двери широко открыты для всех, кто хочет нас узнать. Об этом говорит число государств, с которыми мы поддерживаем культурные отношения (58 — в прошлом году); об этом говорит то, что румынская публика познакомилась с Пекинской классической оперой, с Государственной филармонией Советского Союза и Белградской филармонией, с балетом Цой Сын Хи Корейской Народно-Демократической Республики, с парижским Театром Ателье, с индийским ансамблем и т.д. На сцене Атенеума выступали мировые солисты и дирижеры. У нас побывали Давид Ойстрах, Энрико Майнарди, Карло Цекки, Галина Черни Штефанска, Алан Бух, был записан на пленку для радио голос Катрин Соваж. Мы видели у себя посланцев культуры 11 стран: Австралии, Египта, Индии, Исландии, Сирии, Мексики, Болгарии, Италии, Китая, ГДР и Югославии, причем некоторые из них, например, индийский художник Анил Рой Чудури и аргентинский живописец Антонио Берни выставляли свои работы в Бухаресте, познакомив столичную публику с особенностями своего искусства. В Бухаресте состоялись также выставки работ современных художников Югославии.

Мы вернули многие из этих визитов. Никогда прежде на всех континентах не знали столько о нашей литературе, живописи и музыке. Ансамбли народного искусства «Чокырлия» и имени Барбу Лэутару выступали в Китае, Корее, Вьетнаме и Монголии. Филармония им. Джордже Энеску имела успех на варшавском фестивале «Музыкальная осень»; железнодорожный ансамбль Джулешть пожинал лавры во Франции и Голландии. Мы не случайно оставили напоследок спектакли нашего Национального театра на международном фестивале им. Сары Бернар в Париже и солистов Театра оперы и балета на сценах СССР.

Да, наши двери широко раскрыты. Тысячи зарубежных туристов побывали в Румынии индивидуально и группами. Группами приезжали из СССР, Польши, ГДР, Западной Германии, Франции, Австрии, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, США, индивидуально — из Швеции, Бельгии, Финляндии, Греции, Голландии. 40 туристских агентств Европы, Америки, Азии и Африки подписали соглашение с нашим Бюро туризма «Карпаты» в целях расширения обмена туристами.

А вот еще две интересные цифры: 550 представителей рабочих из 33 стран были в этом году гостями Центрального совета профсоюзов. Наши профсоюзы, в свою очередь, послали заграницу на разные рабочие конгрессы и встречи 143 делегации в составе нескольких сот рабочих, главатаев нашего рабочего класса.

О цифрах говорят обычно, что они холодны, бесстрастны. Но если они выражают увеличение объема международного научного обмена в 1956 году в три раза по сравнению с 1955 годом, если они говорят о развитии связей не соседних стран, а континентов, об установлении и расширении личного контакта между деятелями науки, искусств, членами парламента, если в них осязаем и ощутим трепет нашей новой жизни, то цифры перестают быть бесстрастными.

М. ПОВАН

В Констанцском порту. Грузится норвежское нефтеналивное судно «Симра».

СПОРТ

НА ЛЫЖАХ ВСЕ СЕЛО

Вы, конечно, знаете слабость «болельщиков»: им недостаточно безумствовать на трибунах, аплодировать, дрожать, наслаждаться... Им надо знать о своих любимцах все: какое блюдо им больше нравится, где они родились, какого цвета галстуки носят.

Я не принадлежу к числу этих поклонников спорта. Мне чуждо желание знать о спортсмене всю подноготную, будь это даже звезда первой величины. Мое любопытство возбуждает другое. Например: почему так случилось, что все наши лучшие лыжники, мастера длинной дистанции — из Фундаты? Таков Георге Олтяну, чемпион страны на дистанции 30 км; таков Ион Сумедря, также из Фундаты — чемпион по лыжному бегу на 15 км., как и их односельчанин Мойсе Гырбача, вышедший победителем в соревнованиях на сельское первенство.

Следуя правилу всегда обращаться к первоисточнику, узнавать все непосредственно на месте, я отправился в Фундату.

Съездить в Фундату не так просто, как кажется. Во-первых, надо найти Фундату на карте. Это не город, не село, а... Историк сказал бы, что Фундата — древнее поселение на Бранском перевале, свидетель многих немаловажных событий; географ определил бы, что это — местечко в Южных Карпатах, между массивами Бучеджь и Пьятра Крайулуй, и что...

Но к чему эти вступления? Лучше приступить прямо к делу. Итак, я выехал автобусом из города Сталин. Земля вокруг была черная, снегу ни капельки, и термометр показывал три градуса выше нуля. Когда через два часа я доехал до высшей точки шоссе, ведущего через горы к городу Кымпулунг Мусчел («Фундата», — возвестил шофер), на нас налетела такая вьюга, какой я давно не видывал. На домах были нахлобучены мохнатые шапки снега. Высота здесь 1240 метров. Но для Фундаты эта точная цифра весьма условна: 300 ее домов разбросаны по склону горы и в долине, и между соседями часто несколько километров расстояния.

Жители Фундаты вовсе не прочь встречать зиму 22 декабря и провожать 21 марта, но это, к сожалению, невозможно, ибо зима начинается здесь в середине октября, а весна только в мае.

Фундата... Затерянное в горах село.

Занятия кончились. Ребятишки спешат домой.

За водой ходят на лыжах.

Сельский врач направляется к больным.

На лыжах бегают сызмалу.

По числу лыж у крыльца кооператива можно определить, сколько там покупателей.

А так как все местные жители — чабаны или лесорубы, то им много месяцев в году приходится иметь дело с жестокими ветрами, колючими морозами и огромными сугробами.

О том, как фундатские стали лыжниками, я узнал у одной старушки.

— Это в тот год, когда Ленуца родилась, средняя... Их у меня три... Зима была — не приведи бог. В двадцатом или в двадцать первом... Снегу навалило выше забора. Нельзя было и скотину накормить — не пробраться. День — валит, два валит, а на третий паренек один соседский надумал: привязал к ногам две дощечки и пошел по снегу.

Думаю, что излишне объяснять, как за тридцать с лишним лет «дощечки» вошли в обиход всей Фундаты. Лыжи стали всеобщим средством передвижения.

Ион Рымбу идет на лыжах в лес на работу. Мария, жена Иона Бэнчилы, бежит на лыжах в кооператив за ситцем. Докторша со своей медицинской сумкой через плечо легко и грациозно катит вниз, в долину. Учителя идут на лыжах в соседнее село на занятия педагогического кружка. Одним словом, я убедился, что в Фундате почти все становятся на лыжи с малых лет и что многие, особенно молодежь, в совершенстве овладели всеми тайнами лыжного спорта.

Чабан Николае Динку ходит за стадом на лыжах.

Один из сыновей той же старушки объяснил мне обстоятельно, как фундатские стали «настоящими» лыжниками и лучшими бегунами на длинную дистанцию, которая требует большой физической выносливости.

— Лыжи здесь воспринимались сначала как вынужденная необходимость, но мало-помалу стали и развлечением, спортом. Молодежь собирала деньги на настоящие лыжи, с ботинками. До войны некоторые отправлялись на соревнования в Предял или Синаю. Но шли пешком, поездом стоило слишком дорого — приходили уставшие, и, конечно, до блестящих побед им было далеко. После войны мы получили весь спортивный инвентарь от народного совета бесплатно. Совет вызывал лучших из нас на тренировки, потом и на соревнования. О наших успехах вы, наверно, слыхали...

На первое место вышли у девушек младшей возрастной группы София Богез, старшей возрастной группы — Елена Быза, у юношей Ника Соловэстру. Это чемпионы. На второе место также вышло немало наших — Георге Чока, Марика Брату; на третье — Гица Бадеску.

Сына старушки зовут Ион Олтяну, и он уже два года работает в Фундате тренером.

Болельщик-математик свел бы свои впечатления после поездки в Фундату к следующей формуле: природные условия плюс материальные возможности дают развитие массового спорта, что, в свою очередь, приводит к спортивным достижениям.

Что ж, с этой формулой я вполне согласен.

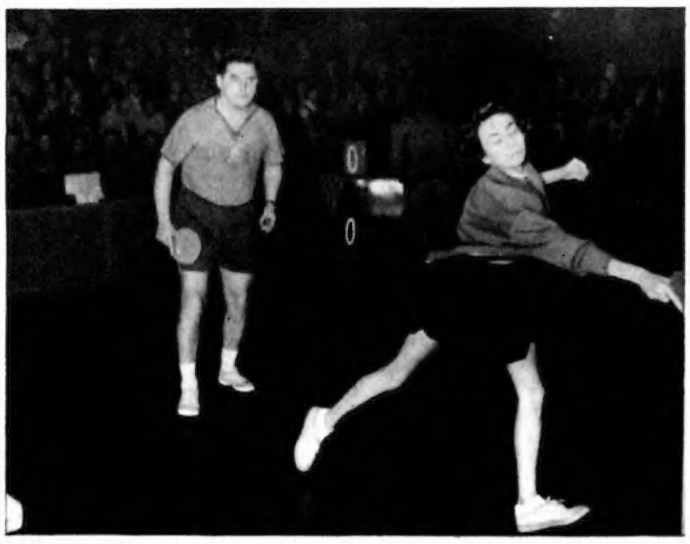
ГЕОРГЕ ДАН

Фото И. ДЖУКИ

НАСТОЛЬНЫЙ ТЕННИС

Пара Целлер-Розяну — победительницы среди женщин.

На трибуне, участников соревнования.



Анджелика Розяну в смешанной парной игре с чехословацким игроком Стипеком.

У спортивного движения есть свои странности. Настольный теннис, например, выдуманный страстными теннисистами-англичанами на случай плохой погоды, когда нельзя играть на корте, имеет в Англии только одно светило — Бергмана, да и тот по происхождению австриец. Зато такие страны, как Венгрия, Чехословакия, Югославия, Румыния и, в последнее время, Китай, стали передовиками этого вида спорта, вовсе не «низшего разряда», как несправедливо отзываются о нем его хулители. Настольный теннис достиг огромной популярности, и ежегодные розыгрыши мирового первенства возбуждают живейший интерес.

Разговор о настольном теннисе не случаен. Между 7—15 марта в Стокгольме будут проходить встречи на первенство 1957 года. В этом розыгрыше участвуют и семь румынских игроков, имеющих шансы на несколько первых мест. Напомним, что Анджелика Розяну 17 раз завоевывала звание чемпиона одиночных встреч и командных состязаний, шесть лет подряд была чемпионкой одиночных встреч среди женщин — достижение в этом виде спорта единственное. Элла Целлер, ее ученица — тоже мировой чемпион в парном состязании среди женщин, а наша мужская команда, которая еще три года назад стояла в Европе на последних местах, сейчас резко повысила свое мастерство. На мировом чемпионате в Токио она уступила звание мирового чемпиона японцам, главным образом, из-за недостатка опыта в мировых соревнованиях и из-за новой для наших спортсменов японской ракетки (с губкой).

До стокгольмского чемпионата и женская и мужская команды РНР участвовали в нескольких «серьезных» встречах, чтобы проверить свои шансы и быть в надлежащей форме. Они ездили в Англию и Италию, играли с чехами в Бухаресте (5:2 в нашу пользу), выступали в январе на международном чемпионате РНР в Бухаресте, собравшем спортсменов Китая, Югославии, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Греции, Бельгии и Египта. Результаты вам, конечно, известны: румыны вышли победителями. Из пяти мировых званий они завоевали три «с половиной». В одиночной встрече среди женщин Элла Целлер в первый раз выиграла в финале у своей учительницы Анджелики Розяну. Вместе они одержали победу над парой Керекеш (Венгрия), Мосочи (Чехословакия) со счетом 3:2; Розяну (Румыния) и Стипек (Чехословакия) выиграли в смешанной парной встрече, а Гантер-Рейтер (Румыния) довольно легко справились в финале с знаменитой чехословацкой парой Стипек-Токар (3:0).

За границу был увезен только один диплом чемпиона: венгр Зольтан Берчик победил в мужской одиночной встрече. Надо сказать, что за последний год этот талантливый спортсмен не потерпел ни одного поражения и в Стокгольме будет опасным конкурентом.

На международном чемпионате РНР выдвинулись несколько новых талантов: Кобыран и Андронаке — по группе мужчин (последний выиграл у чемпионов Китая и Болгарии), а среди женщин — Мария Голопенца, Марианна Бараски и Ирма Могнари. О семнадцатилетней Марии Голопенца видевший ее в Париже известный игрок Барна сказал, что это — будущий мировой чемпион. Вместе с А. Розяну и Э. Целлер она будет защищать наши цвета в Стокгольме.

В составе нашей мужской команды — молодой чемпион Тибериу Харасташи, разносторонний спортсмен, спокойный, вечно улыбающийся, Матей Гантер, которого после мирового чемпионата в Токио японская печать называла «открытием 1956 года», и игроки с большим стажем — Тома Рейтер и Паул Пеш.

Вскоре после выхода в свет этого номера нашего журнала станут известны и стокгольмские результаты. Будем надеяться, что среди новых мировых чемпионов будут и румынские спортсмены.

М. ТРАЯН

Фото М. БЭНУША

ВЕСЕННИЕ МОДЫ ★ ВЕСЕННИЕ МОДЫ

Светлые цвета отстояли свое право даже в вечерних нарядах. Вот элегантное платье-костюм из натурального китайского шелка лилового-розового цвета с перламутровыми пуговицами под цвет. Соломенная шляпа натурального цвета отделана черным бархатом. Сумка, туфли и перчатки черного цвета.

Полудлинный жакет с шалевым воротником из пестроткаиного материала. Рукав спереди выкроен, сзади цельный. Манжеты широкие, без отворотов. Шляпа фетровая, отделанная фетром же более темного цвета.

Демисезонное пальто из желтой шерстяной ткани, узкое в плечах и расширяющееся книзу. Шалевый воротник идет только до плечного шва. Карманы прорезные. Перчатки, сумка и туфли из черной замши. Шляпа из красного фетра с черной бархатной лентой и красной же фетровой пряжкой.

Шерстяное лилового-розовое платье. Лилового-розовый и светло-желтый цвета в моде этой весной. Корсаж-болеро. На талии длинные вытачки, которые расширяются мягкими складками. Пуговицы перламутровые под цвет платья. Платье носится со шляпой, сумкой и туфлями черного цвета. Шляпа черной соломки.

НАРОДНАЯ РУМЫНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

№ 3 Март 1957 г.

Стр.

Голос народа
Л. Годяну 1

Депутаты и депутаты
И. Пуркару
Фото Д. Радулеску 3

Наши избранницы 4

Между нами, женщинами
М. Пескару 5

За 15 миллионов тонн зерна
Беседа с министром земледелия Марином Станку 6

Весна на полях 7

Будни учительницы музыки
Т. Болокан
Фото Е. Злоия 8

Когда ждут первенца
Дан Гольденталь 10

Международный конкурс им. Энеску 11

Книжная витрина:
Камил Петреску: «Новеллы»
Виктор Тулбуре: «Избранные стихотворения»
Мирон Драгу 11

Развод
Сади Рудяну 12

Юмор
Рисунки Х. Матти 12

Румынские пословицы и поговорки
Рисунки Х. Матти 13

Хунедоара растет
С. Нягу
Фото «Декоратиа» 14

Памятники старины
К. Кирица 16

Искусство кустарей
Фото И. Хапанела и Д. Горуша 19

Наш Крянга
М. Садовяну
Темпера Е. Испира 23

Смех сквозь слезы в шутках Иона Крянги
С. Милориан
Темпера Е. Испира 24

Данила Препеляк
Ион Крянга.
Рисунки Ронни Нолля 24

Так и должно быть!
Фото А. Розенталя 27

Маленькая балерина
Фото А. Ловинеску 28

Тулча
Пауль Диаконеску.
Фото Ника Василе 30

Костаке Антониу и его герои
Б. Дунэряну
Фото И. Александра 33

Но, гнедой!
Александру Шахигян.
Рисунки Г. Лдока 34

Хроника 36

Бесстрастны ли цифры?
М. Йован 37

Спорт: На лыжах все село
Георге Дан
Фото И. Джуки 38

Настольный теннис
М. Траян
Фото М. Бэнуша 39

Весенние моды
Фото А. Комша 40

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Адрес редакции: Бухарест, ул. Ион Гика № 5.
Тел. 4.83.67
Администрация: Тел. 5.35.88
București, str. Ion Ghica Nr. 5
Tel. 4.83.67
Administrația: Tel. 5.35.88

Симина Роман, инструктор авиационной спортивной школы в Гимбаве (Сталинская область), поднималась в воздух множество раз и воспитала немало воздушных спортсменов.

Фото Г. ДАНА

На четвертой странице обложки: Альпинисты достигли вершины Негойул в горах Фэгэраша. Теперь их влекут к себе виднеющиеся вдали пики Колцун и Скара.

Фото И. ПЕТКУ